

Оказывается, я еврей

Григорий Фрейман

[Нижеследующий текст является русским оригиналом книги Григория Абелевича Фреймана, английский перевод которой был выпущен Southern Illinois University Press в 1980 году под названием *It Seems I am a Jew*, в переводе и под редакцией Мелвина Натансона (Melvyn B. Nathanson), с предисловием Натансона и тремя приложениями: документом «О ситуации в советской математике» (The Situation in Soviet Mathematics. By Emigrè Soviet Mathematicians. — без указания авторов, но поддержанным пятнадцатью американскими математиками), заметкой Натансона «Еврейские задачи по математике» (“Jewish problems” in Mathematics), и комментариями Андрея Дмитриевича Сахарова к этим задачам (Remarks on “Jewish problems” in Mathematics). Книга эта давно стала редкостью (хотя её иногда можно найти у букинистов), а исходного русского текста не сохранилось (2020) ни у автора, ни у переводчика. Однако он сохранился в Архиве Международного Мемориала (фонд 152) и был любезно предоставлен для воспроизведения.

Как сообщил Алексей Макаров, история документа такова. Журнал “Евреи в СССР” №18 собирался опубликовать эти мемуары, но в самиздате де-факто номера уже почти не ходили. Материалы кусками передавались в Израиль, где они публиковались в многотомнике «Еврейский самиздат». Этот материалы (так же как ещё несколько) не были почему-то переданы и остались у человека, который в середине 2000-х передал их в архив Мемориала.

Сокращённая версия текста была опубликована в журнале «22» (Израиль), в номерах 9–11. Часть текста (опубликованная в номере 11) была сверена с рукописью; предыдущие два номера журнала найти не удалось. Некоторые очевидные опечатки исправлены без оговорок (и проверены по английскому переводу); добавлены некоторые комментарии в квадратных скобках — в тех случаях, когда пропущенное можно было восстановить однозначно. Немногочисленные пробелы в скане рукописи также восстановлены по английскому изданию, где это было возможно, и также помещены в квадратных скобках.]

Предисловие

Принц и нищий

В этом, семьдесят шестом году, мне минет пятьдесят. Главным моим делом всегда была математика. Я её изучал, с удовольствием преподавал, организовывал коллективную работу. Закончив одну статью, я сразу переходил ко второй, поставив последнюю точку в книге, начинал размышлять о следующей.

И вот поезд, единственное назначение которого: «вперёд по рельсам», вдруг остановился. Я ничего не организовываю, да никто меня об этом и не просит, преподаю по инерции, а главное, мне не хочется решать задачи, доказывать теоремы.

Причина? Говоря коротко, я испытываю притеснения в работе, потому что я еврей, окружающие меня люди, евреи, испытывают притеснения.

Стоит ли продолжать? Имеют ли мои личные заботы общий интерес?

Размышляя, я часто разговариваю с воображаемым собеседником:

Ко мне спешит мой критик. В руке газета.

Критик: Тебя притесняют? Тебе сказали: еврей, пошёл вон?

Я: Да нет, так впрямую не говорили.

К.: Всё ясно: тебе так кажется. Но ведь главное — факты? Итак — ты пошёл на войну после окончания средней школы?

Я: В сорок третьем году, семнадцати лет.

К.: После войны тебе была предоставлена возможность учиться?

Я: Твой вопрос странно сформулирован. Могло ли быть иначе?

К.: И ты окончил вуз в 1950 году?

Я: В сорок девятом.

К.: Через семь лет ты защитил кандидатскую диссертацию?

Я: Да, в 1956 году.

К.: А в 1965 году — докторскую?

Я: Да. Скажи же, наконец, к чему ты клонишь.

Вместо ответа он развернул газету¹. Читаю:

Я хочу заявить во весь голос: в нашей социалистической стране никогда не было бы и не может быть притеснений национальностей вообще и в частности еврейской. Всем гражданам нашей многонациональной страны закон гарантирует равные права.

Моя жизнь может служить примером того, как в нашей стране «притесняют» евреев. После окончания средней школы я пошёл на фронт. После войны мне была предоставлена возможность учиться. В 1950 году я окончил высшее учебное заведение, через семь лет защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965 году докторскую. Кто смеет говорить, что меня «притесняют»?

Я перевёл взгляд на подпись: В.С. Этлис,² доктор химических наук, профессор.

Я погрузился в размышления: огорчения мои [?] сплелись в бешено вращающемся вихре, быстро удаляясь [от не?]зыблемой тверди апробированных формулировок [доктора Этлиса]. Противоположные полюса наших высказываний продолжали [?], унося нас в разные стороны. Я очутился в лесу [моей жизни], где в ночи забвения мерцали светлячки воспоминаний [и к гори]зонт Проблемы вела столь знакомая дорога познания. [Я вступил] на эту дорогу, и чувства, предубеждения и при[страстия меня] оставили: помни, что какой-то кусочек грядущей [исти]ны принадлежит и ему, твоему противнику в споре.

О пользе письменности

— Какие именно неприятности происходят с [Вами и другими] евреями?

— спросит иностранец.

— Неприятности с работой: меня сняли с должности заведующего кафедрой, неприятности с наукой: в ВАКе [не утвердили] диссертацию моего ученика, возникли трудности с публикациями, участием в конференциях, о научных поездках за границу не приходится и мечтать... Евреев не принимают во многие вузы, аспирантуру, трудно найти подходящую работу.

---

¹Литературная газета, 18 февраля 1976 года

²Вольф Самойлович Этлис, http://www.mathnet.ru/php/person.phtml?option_lang=rus&personid=110620

— Почему же ты не протестуешь? Какие-то лица поступают несправедливо — апеллируй к их начальству, есть законы против расовой дискриминации — обратись в суд, не согласен с газетным выступлением Этлиса, выступи в газете сам. Будут произведены расследования, факты станут достоянием общественности — восторжествует истина и справедливость.

Я рассердился.

— Вы как слепой в чужой комнате. В вуз не поступают потому, что не проходят по конкурсу, на работу не принимают потому, что нет места, диссертация не утверждается потому, что качество её плохое. Вас высмеют, если Вы станете утверждать, что национальность претендента могла иметь какое бы то ни было значение. Ни один суд не примет к рассмотрению дело о национальных притеснениях, ибо нет у нас таковых. И в газету Вы тоже не пробьётесь.

— А свобода слова?

— Конституцией она гарантирована, но не можете же Вы говорить, что есть то, чего быть не должно. Этого Вам никто не разрешит. Горести мои возрастают стократ, потому что они как стыдная болезнь, я не могу сказать о них вслух. Сделать это — поставить под удар всю свою установившуюся налаженную жизнь. Работа, наука, семья — всё придёт в расстройство. Свобода и жизнь окажутся под угрозой. Заговорить, покинуть сонм молчаливых, восстать против общества, помилуйте, я хочу жить спокойно, спокойно работать, у меня столько теорем накопилось, надо их доказывать, помилуйте, я труд, я просто боюсь.

Долгие часы провёл я в подобных размышлениях. Как действовать, что предпринять? Наконец, я принял решение — записать опыт моей жизни. Письменность неоднократно оказывала неоценимую услугу исторической науке и способствовала смягчению нравов. Быть может, и сейчас...

Высшее образование (прошлое...)

Документальная поэма

[После окончания университета] я начал работать в НИИ, а [хотел я заниматься мат]ематикой. Работа была изнуряющая, [целыми днями, вечером] соображалось плохо. Я стал ложиться [в восемь вечера и] вставать в три – четыре утра. В итоге [у меня было четыре часа занятий] математикой на свежую голову. И так [каждый день в течение] полутора лет.

[Этот период, от разоблачения] космополитов до пресловутых [врачей-убийц, был для меня], еврея, крайне трудным. Вот документы. [Судите сами.]

- 1 августа 1951 г.

Ректору Московского госуниверситета академику Петровскому.

Институт им. Жуковского не возражает против поступления во внешнюю аспирантуру МГУ сотрудника института тов. Фреймана Г.А.

Заместитель начальника института Свищев Г.П.

- Решением приёмной комиссии Вам отказано держать вступительные экзамены ввиду отсутствия стажа работы. Необходимо три года стажа.

Заместитель [ректора] Лидский.

- 16 апреля 1952 г.

Ректору МГУ акад. И.Г. Петровскому

От сотрудника ЦАГИ Г.А. Фреймана

Заявление.

Прошу разрешить мне сдачу кандидатского минимума по математике при механико-математическом факультете.

Г.А. Фрейман

Резолюций на заявлении две:

Прорек. проф. К.А. Салищеву. В настоящее время средств нет, прошу отказать.

18/IV — 1952. В. Азар... (далее подпись неразборчива)

Вопрос может быть решён после выделения средств по аспирантуре осенью 1952 г.

18/IV — 1952. Салищев

- Ректору МГУ акад. И.Г. Петровскому

От сотрудника ЦАГИ Г.А. Фреймана

Заявление.

Прошу разрешить мне сдачу кандидатского минимума по математике при механико-математическом факультете.

15/V – 1952 г.

Г.А. Фрейман.

Резолюции:

В институте механики и математики может быть организована сдача экзаменов по математике. Прошу дать разрешение на приём экзаменов.

А. Колмогоров

Рекомендую поступить в заочную аспирантуру.

15/V – 1952 г.

И. Петровский

- Ректору МГУ акад. И.Г. Петровскому

От сотрудника ЦАГИ Фреймана Г.А.

Заявление.

Прошу зачислить меня в число аспирантов механико-математического факультета по кафедре теории чисел.

12/VI – 1952 г.

Г.А. Фрейман.

- Казанский авиационный институт, 8.VIII.1952, №2425

Тов. Фрейману Г.А.

Возвращаем Ваши документы, т. к. решением конкурсной комиссии Казанского авиационного института Ваша кандидатура не прошла.

Зам. директора по УР [учебной работе] доцент П. Яковлев.

- Выписка из протокола №4 заседания отборочной комиссии НИИ механики и математики МГУ от 16 августа 1952 г.

Слушали:

Т. Фрейман Григорий Абелевич, 1926 г. рождения, еврей, член ВКП(б). Окончил МГУ в 1949 г. Работает в ЦАГИ инж. 3 года. Диплом без отл. (очная аспирантура).

Постановили:

Рекомендовать поступать в аспирантуру ЦАГИ.

Выписка верна

Секретарь ин-та: Успенская

- Ректору МГУ акад. И.Г. Петровскому

От Фреймана Г.А.

Заявление.

Я окончил в 1949 г. мехмат МГУ и был направлен на работу в ЦАГИ. В этом году, после трёх лет работы в ЦАГИ, я подал заявление в аспирантуру МГУ по специальности математика. Отборочная комиссия постановила: «рекомендовать поступать в аспирантуру ЦАГИ». В ЦАГИ имеется аспирантура только по механике. Поскольку я получил специальное математическое образование, не прекращал все эти годы научной работы в области математики и желаю в дальнейшем продолжать научную работу в области математики, прошу вновь рассмотреть моё заявление и допустить меня к приёмным экзаменам в аспирантуру.

20/VIII – 1952 г.

Г. Фрейман.

Резолюция: Не вижу оснований отменить решение комиссии.

20/VIII – 1952 г.

И. Петровский

- Директору Казанского педагогического института

от Фреймана Г.А.

Заявление.

Прошу допустить меня к экзаменам в аспирантуру по специальности математика.

20/VIII – 1952 г.

Г. Фрейман.

Резолюция: Отказать как не имеющему стажа работы в школе.

25/VIII

Подпись неразборчива

- Казанский госуниверситет им. В.И. Ленина

30 августа 1952 г.

Тов. Фрейман Г.А.

Вы допущены к вступительным экзаменам в аспирантуру КГУ.
Вступительные экзамены начнутся с первого сентября 1952 г.

Зав. аспирантурой Харламова

- 912-3/11121, 29/Х–1952 г.

Ректору Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина проф. Д.Я. Мартынову

Главное управление университетов не имеет возможности зачислить в аспирантуру тов. Фрейман Г.А. в связи с неутверждением его комиссией по приёму в аспирантуру.

Зам. начальника Главного управления университетов
С.Семин

- Зам. начальника Главного управления университетов
т. Семину
От Фреймана Г.А.

Заявление.

В письме, направленном Вами ректору КГУ т. Мартынову, говорится, что я не зачислен в аспирантуру «в связи с неутверждением комиссией по приёму в аспирантуру». Так как все приёмные экзамены были мною сданы с оценкой «отлично» и я был зачислен в аспирантуру комиссией КГУ, то прошу сообщить мне причину неутверждения моей кандидатуры министерской комиссией.

19/XI – 1952 г.

Г. Фрейман.

Примечание: ответа не последовало. Г.Ф.

- Зам. министра высшего образования Прокофьеву М.А.
т. Семину
От Фреймана Г.А.

Заявление.

В сентябре 1952 г. я сдал вступительные экзамены в аспирантуру Казанского университета, и моя кандидатура была утверждена Университетской комиссией. Однако в министерстве моя кандидатура не была утверждена. Уже два месяца, как я не мог добиться причины отказа. По словам т. Семина и т. Хитрова, который непосредственно занимается моим делом, никаких документов, фиксирующих причину отклонения моей кандидатуры, не имеется. Ясно, что в этом случае отказ теряет свою законную силу.

Считаю, что никаких причина для отказа нет:

1. все вступительные экзамены были мною сданы с оценкой «отлично»;
2. у меня имеется семь печатных научных работ;
3. я имею требуемый для поступления в аспирантуру трёхлетний производственный стаж;
4. с места работы мною получены положительные производственная и партийная характеристики;
5. следует, наконец, учесть, что я являюсь членом КПСС и участником Отечественной войны.

Рассмотрение моего дела тянется вот уже три месяца.

Очень прошу Вас лично вмешаться, установить причину неутверждения моей кандидатуры министерством, пресечь бюрократическое отношение к рассмотрению моего дела и, наконец, утвердить мою кандидатуру.

25/XII – 1952 г.

Г. Фрейман.

- Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина высылает выписку из приказа о зачислении в аспирантуру университета.

Срок прибытия 20 января 1953 года.

Приложение: выписка из приказа КГУ.

Проректор по научной работе,
профессор М.В. Марков

Сейчас я изумляюсь тогдашней моей настойчивости, причина которой — глубокое убеждение в правильности всего того, что происходит — любое отклонение представлялось мне [?] и случайным.

А сколько труда, энергии и времени отняла эта канитель! Для получения любого сопроводительного письма [?] нужно было тратить дни и недели, записываться заранее и часами торчать в очередях.

А характеристики!

Мой начальник, Юра Васильев, человек жёсткий, нещадно эксплуатировал своих сотрудников. Отпускать он меня не хотел, и вот, в результате коллективных [?] обсуждений, в мои характеристики были включены пункты: «следует, однако, отметить, что тов. Фрейман не всегда добросовестно относится к поручаемой ему работе. К работам, которые ему почему-либо не нравятся, относится, независимо от их важности, формально, не проявляя нужной инициативы», «выражает настойчивое желание поступить в аспирантуру по чистой математике, что наносит ущерб основной работе».

А разговор с Петровским!

Ректор МГУ Иван Георгиевич Петровский сам был математиком.

Летом 1943 года он был деканом мехмата. Впервые я встретился с ним, когда переводился из Казанского университета в МГУ. Он произвёл самое приятное впечатление: разговаривал неторопливо, интересовался собеседником, его делами. Был он тогда худощав, интеллигентен, тонок, [?]

И вот теперь Петровский согласился меня выслушать после того, как мой учитель Александр Осипович Гельфонд рекомендовал меня как подающего надежды юношу.

Принял он меня в своём большом кабинете в старом здании МГУ на Моховой.

Я рассказал ему о своих злоключениях, о большом желании заниматься математикой.

Петровский слушал внимательно, и, казалось, доброжелательно.

— Теперь я уже не могу изменить решение приёмной комиссии — сказал он, — ...

— Если не в очную, то хотя бы в заочную, — перебил я его.

— Нет, это тоже не удастся. — Вот что, — сказал он, подумав, — Вам надо бы сдать кандидатские экзамены.

Я увидел, что он ни в чём не идёт мне навстречу, этот, казалось бы, всемогущий человек, приятель и однокурсник моего учителя, а главное, математик, учёный, который должен бы понять моё острое желание заниматься обоими нами любимым делом.

— Да что же это, — возопил я с горечью, — я иду влево, Вы меня посылаете вправо, я — вправо, а Вы меня посылаете влево. Куда же мне деваться?

Он не понял, о чём я говорю, поднял на меня вопросительный взгляд.

— Вы советуете мне сдавать кандидатские экзамены, отказывая в поступлении в аспирантуру. Посмотрите, что Вы написали, когда я просил о сдаче кандидатского минимума.

Я положил перед ним мою просьбу разрешить сдачу кандидатского минимума с его резолюцией: «Рекомендую поступить в заочную аспирантуру 15/V-52 г. И. Петровский».

Он прочёл и ничего не сказал. Сидел неподвижно и не говорил ни слова. Я тоже молчал, вначале от волнения, а потом, когда пришёл к себе, напряжённо ждал, что же он всё-таки скажет. Но он сидел, сидел неподвижно и молчал. Продолжалось это не менее трёх минут, целую вечность. Затем, повинувшись какому-то безотчётному импульсу, не желая, чтобы это молчаливое признание прервалось жалким лицемерным лепетом, а может быть, повинувшись чувству жалости, я встал, взял бумажку, лежавшую перед ним, свернул её, положил в карман и вышел. А он так и сидел, не шевелясь.

Я увиделся с ним ещё один раз, ровно через десять лет, когда пришёл с просьбой о выделении общежития при МГУ. Это был совсем другой человек. Он пополнен, постарел, а главное, был какой-то издёрганный, нервный, невнимательный. Собеседника он не слушал, в дело не вникал. Едва уловив смысл просьбы, он тут же отказал, резко, грубо, безапелляционно, без какого бы то ни было чувства общения, не видя человека, лихорадочно думая о чём-то своём.

И, наконец, казанская аспирантура...

Когда пришло письмо из министерства с отказом, я был поражён, но была твёрдая уверенность, что правоту свою докажу. Мне не могли отказать, вот и всё.

Я явился в министерство, где меня принял Хитров, работник отдела кадров. Был он человек пожилой, седоволосый, с военной выправкой.

Особой недоброжелательности, неприязни по отношению к мне он не выказывал.

— Комиссия Вас не утвердила, — сказал он, — в приёме отказано.

Это было всё, что удалось из него выжать, как в первое, так и в последующие посещения. У него есть решение, но нет мотивировок, нет протоколов обсуждения, нет даже моих документов, всё отослано. Следует возвращаться в Казань, дело решённое.

— Дело будет пересмотрено, — сказал я убеждённо, — для отклонения нет никаких оснований.

Он стоял на своём, но понемногу что-то начало предприниматься. За требовали из Казани личное дело, Хитров несколько раз докладывал обо мне в разных инстанциях. Хотя всё оставалось без изменений, однако психологически я начал одолевать Хитрова. Увидев меня, он терял спокойствие, неровным голосом советовал уехать, уверял, что дело безнадежное.

— Комиссия отказала, — говорил он с ударением, — ничего Вам не добиться.

Я же был совершенно спокоен и уверял: раз дело моё правое, то и решение будет правильное.

Наконец удалось попасть на приём к референту заместителя министра. Выслушал он меня в комнате, где сидело несколько женщин. Я чётко, упрямо и громко выложил все свои козыри: сдал все экзамены отлично, конкурса не было, печатные работы и т. д. и т. п. В комнате воцарилась тишина, и женские спины выразительно слушали моё повествование.

— Я Вам устрою встречу с Прокофьевым, — сказал референт.

Прокофьев внимательно всё выслушал и сказал, что завтра состоится заседание комиссии, где дело будет пересмотрено в положительном смысле.

Ещё через день я пришёл к Хитрову.

— Да, пересмотрели дело, вынесли решение о зачислении, — сказал он растерянным голосом, — я подготовлю приказ. Каким числом Вы хотите его датировать?

Было начало января 1953 года, и мы согласились на одиннадцатое, а ещё через два дня, тринадцатого января, началось дело «врачей-убийц», и всё вокруг стало совсем мрачным, но меня лично это уже мало коснулось — я был зачислен в аспирантуру, уехал в Казань и начал всерьёз заниматься математикой.

* * *

Для людей, которые не поймут или сделают вид, что не поймут подоплёки рассказанных мною событий, добавлю пару живых впечатлений того времени.

Жёлтая звезда

Миша Клячко был маленького роста, невзрачный, голоса тихого, медлительный. Вспоминается он мне по контрасту со своей женой, которая тоже училась на нашем курсе, и была краснотубой, крупной и заметной.

Разбиралось дело о приёме Миши в партию. Он прошёл войну, вступил в кандидаты партии на фронте. Ничто в его жизни не вызывало сомнений, но была одна неувязка в документах. В партийном документе, в кандидатской карточке, он был записан русским, а в паспорте числился евреем. Когда он рассказывал о себе, попросили его разъяснить эту неувязочку. Миша объяснил, что при возвращении из госпиталя после ранения, когда с его слов заполняли новую кандидатскую карточку, он записался русским.

— А почему это Вы записались русским? — спросил мехматовский деятель [Пётр Матвеевич] Огибалов, и тогда, и впоследствии игравший самую мрачную роль в факультетской жизни.

Мне вспоминается его лицо, всегда хмурое и неприязненное, пустые, смотрящие в сторону глаза, голос, сухой, в чём-то обвиняющий.

Миша замялся, забормотал что-то, но несмотря на жёсткий нажим, объяснить ничего не сумел. Он молчал, перед его мысленным взором проплывала фантастическая картина: вбегает в аудиторию немец в эсэсовской форме, тащит его к дверям, и не дверь это, а разверстая газовая камера, за которой видна полыхающая гудящая печь Освенцима, а из-за стола выскакивает Огибалов и подталкивает его, упирающегося, в спину.

Развернулись недолгие прения. Выскочил на трибуну паренёк с пышной кудрявой шевелюрой, в измятых штанах, с полным добродушным лицом. Он произнёс горячую убедительную речь о том, что не существует предмета для спора, что нет в нашей стране разницы между людьми разных национальностей, что евреем или русским быть одинаково почётно, а потому — принять. И зал, и президиум выслушали всё это в вежливом, несколько напряжённом молчании. Затем выступил член партбюро, сказал, что дело, разумеется, лишь в формальных несоответствиях в документах, исправить которые необходимо, вследствие чего в приёме Клячко следует отказать. На том и порешили.

Я видел недавно новый образец паспорта, в котором исчезла запись о

социальном происхождении, дававшая в давние времена неравные права представителям разных классов. Запись о национальности, которой не было в первые после революции годы, в новом паспорте сохранена. Описанный случай демонстрирует, как могут использовать её злонамеренно. Может ли мне кто-нибудь объяснить, как подобная запись может быть использована на пользу благородных идеалов всеобщего братства?

Союз меча и орала

Когда я учился на пятом курсе, у нас было обнаружено «антисоветское общество».

Что же произошло? Была кучка ребят и девушек, которые сдружились, начиная с первого курса, особенно тесно. Собирались они часто, гуляли по улицам, обсуждали произведения искусства, ругали пьесу [Анатолия Алексеевича] Сурова «Зелёная улица» (важный пункт обвинения). Составили шуточный устав их товарищества (вот вам и организация).

У Нади Гиндиной был дядя, который жил в Палестине. Дядя этот прислал по почте толстую книгу. Книга эта была научная, не то по ботанике, не то по зоологии, и нужна была для занятий Надиному папе. Я хорошо помню, какое большое внимание уделил этой книге Горбунов, секретарь партбюро, выступая на общем собрании пятого курса, какой зловещий характер приняло это событие в его окраске, какие миазмы вторжения чужеродного, отступничества, шпионажа стали хороводить над напряжённо молчавшим залом.

Главной затравкой послужило некое стихотворение о евреях, которого никто так и не увидел.

В группе было двенадцать человек. Среди них — шесть евреев и шесть русских. Как в кампании против космополитизма, здесь били не только евреев, но главным образом их, а остальных как бы только за компанию и помягче.

Все евреи были исключены из комсомола и из университета. Остальные получили комсомольские взыскания.

Активные организаторы преследования: [Пётр Матвеевич] Огибалов, Горбунов, [Роза Садековна] Гусарова до сих пор работают в университете и благоденствуют.

III. Учёба (...и настоящее)

Трудности высшего образования

Не ворошу ли я давно минувшее? Нет. Рассказ актуален: если бы мне пришлось поступать в аспирантуру сейчас, опыт повторился бы.

А как с приёмом в вузы? Как раз в период моих злоключений евреев на мехмат МГУ почти не допускали. Потом наступила «оттепель». Новый резкий перелом к худшему наступил в семидесятом году, когда принимать евреев на мехмат практически перестали.

На одном собрании, посвящённом началу учебного года, Огибалов тогда сказал:

— Наконец-то мы имеем приём, которого давно добивались.

Как с другими вузами?

В научно-технических институтах МИФИ и МФТИ всегда существовали резкие ограничения. Ограничения для целых категорий вузов: военные, дипломатические (разумеется), медицинские (кроме далёких периферийных), технические с военным уклоном (авиационные, по электронной технике). Более строгие ограничения для отдельных местностей (Украина, Молдавия, Ленинград). Перечень, конечно, не полон.

Мне могут возразить, что евреи в России отнюдь не погрузились в омут невежества, что евреев с высшим образованием гораздо больше, чем, например, русских, в относительном, разумеется, пересчёте, что число студентов-евреев и сейчас очень велико.

Положение это сложилось раньше, когда ограничений было меньше, и теперь быстро изменяется «к лучшему».

В настоящий же момент ограничения существуют и всё усиливаются.

Каков же их механизм? Ведь приём документов по национальному признаку не регулируется?

За редкими исключениями. Если работа связана с секретностью, нежелательным лицам иногда советуют не подавать документы. Тут и высокий балл на экзаменах не гарантирует поступления. Так, Ф. сдал вступительные экзамены в МФТИ лучшим в своём потоке и... не нашёл

своей фамилии в списке зачисленных. В приёмной комиссии висело объявление: «Претензии по поводу зачисления не принимаются».

Но это ещё не самое нечестное. Хуже, когда человек, который не должен пройти, не получает проходного балла, независимо от высокого уровня своих ответов.

Странно, — ведь профессор, преподаватель — лицо независимое, с высоким чувством профессионального достоинства, с отработанными рабочими критериями. И такой человек сознательно путает карты, жонглирует своими оценками!? Помилуйте, да есть ли врачи, которые сознательно умерщвляют своих больных?

— Насчёт врачей я не знаю, а преподаватели, чуждые профессиональной этике, руководствующиеся иными, эгоистическими категориями, существуют.

— Это мнение необходимо очень хорошо обосновать, как и сам факт наличия ограничений.

— С ситуацией в одной области, в математике, я знаком детально. В МГУ мой выпуск — сорок девятого года. Евреев на нашем курсе было не менее четверти. В дальнейшем, в пятидесятые – шестидесятые годы доля эта едва ли часто опускалась ниже одной пятой. На днях я просматривал в МГУ список студентов, перешедших на второй курс мехмата. Я не нашёл там *ни одной* еврейской фамилии. Два года назад на матмехе Ленинградского университета в списке принятых на несколько сот человек я обнаружил не более двух – трёх еврейских фамилий. Тенденция чёткая и бесспорная. Если когда-нибудь мои размышления станут предметом обсуждения, то пусть мои критики предадут гласности национальный состав мехмата МГУ по годам, хотя бы за послевоенные годы. Это свидетельство неопровержимо.

Факты эти имеют общее значение, ибо МГУ, ЛГУ и Новосибирский университет, где также избивают евреев, дают львиную долю общего числа творчески работающих математиков.

— Не мешало бы эти данные проверить детально. Но чем это ты стал заниматься? Своим ли делом? Считаешь какие-то проценты, листаешь какие-то списки, вычитываешь какие-то фамилии. Доказывал бы лучше свои теоремы.

— А человек? Душа живая? — закричал я, возмущившись. — Возьми журнал «Квант», там из номера в номер печатают фамилии школьников, которые решают задачи лучше всех. Делают это объективно, так как [Анатолию Илларионовичу] Ширшову с компанией ещё не удалось полностью овладеть этим журналом. Проследите судьбу этих ребят. Сколько из них, из тех, кто мог бы составить славу нашей науки, будут конструировать типовые детали в отраслевых конструкторских бюро? И не

потеряет ли наша страна, если, отчаявшись, кто-то из этих юношей её покинет?

А наука, что станется с математикой? Растить таланты, создавать научные школы — дело тонкое, требующее многолетних забот и усилий. Это — как лес растить.

Кто рубит лес, увидит пустыню.

Механизм отклонения

Меня могут спросить: откуда я взял, эти утверждения о несправедливостях на экзаменах, если лично я там не присутствовал?

Первое впечатление сложилось из наслоения словесных свидетельств. Вот несколько примерно.

Сдавал на мехмат МГУ сын известного математика К.

— Математику мой сын знает весьма порядочно, я за неё не боюсь, а вот физику — хуже, может получить и четвёрку.

Сын получил по физике двойку.

Здесь можно возразить, что родители о своих детях всегда наилучшего мнения, и, возможно, злонамеренности на экзамене не было.

В. сдал оба экзамена по математике на пять, по физике, при очень придирчивом экзамене, на четыре. По сочинению, написанному без ошибок, получил два. Резолюция: «Вы раскрыли тему патриотизма, а не тему Родины».

Об этом было рассказано так: «...евреев на мехмат не берут, это всё так, но тут уже, знаете, слишком, вот В. сдал...». Говорил преподаватель МГУ, русский, и собеседники вовсе не были близкими друзьями.

З. получил первую премию на всесоюзной математической олимпиаде и двойку на конкурсном экзамене по математике.

Почему такое сочетание маловероятно?

Победитель такой олимпиады — первый среди миллионов. Задачи там такие трудные, что отнюдь не каждый профессор их решает, и уж не за такое короткое время.

Число примеров я могу умножить, их у меня сотни. Ограничимся пока этими. Что же это за люди, которые ставят эти двойки, эти заниженные оценки? Как они это делают?

Негодяев всегда немного. Честные же люди взирают на них с осуждением и... помалкивают. Как всё это делается, я впервые услышал из беседы с Р., который работал в Новосибирском университете. На факультетском вечере с ним стал беседовать по душам его сослуживец, член приёмной комиссии. Он отмежевался, он не делал *этого*. Этим занимались

специальные люди, принимавшие экзамены в группах, где и были сосредоточены абитуриенты-евреи.

Моральный аспект этих данных является чрезвычайно острым. Можно ли, делая выводы, опираться лишь на устные сообщения, какими бы бесспорными они не казались?

В этом году в августе³ я часто бывал на мехмате, следил за ходом приёмных экзаменов, и могу поделиться результатами личных наблюдений.

Знакомых, работающих в МГУ, готовящих к поступлению в МГУ, у меня много, околэкзаменационных разговоров хватает. За сутки до устного экзамена снова коснулся меня слух, что евреев концентрируют в специальных группах. А какова техника заваливания? Экзамен происходит внешне вполне нормально, всё очень просто — предлагаются задачи, на порядок более трудные, чем обычно.

Теперь нужно обсудить подробнее, что такое трудная и что такое лёгкая задача, и как измеряется сама эта трудность?

В чужой области, например, химии, я вполне мог бы выступить в роли растерянного родителя, отпрыск которого обращается с жалобой: дали слишком трудную задачу. Расстроенный папа идёт к секретарю приёмной комиссии.

— Трудная задача? — говорит тот, — на то и университет. У нас надо решать трудные задачи.

— Но задача *слишком* трудная, — настаивает родитель, чувствуя себя потерявшимся в тумане. — В школе таких не решали.

— Нет, не была она слишком трудной, — с терпеливым снисхождением к некомпетентности папаши объясняет специалист, — стандартной задача быть не должна, мы ведь не всех принимаем, а лучших.

И папа уходит, не то чтобы довольный, но понимая, что сказать ему нечего: чтобы измерять человеческие возможности, нужно иметь знания и опыт.

Иногда объективные критерии выработать не так уж и трудно. Давайте, например, судить о вашем физическом развитии по величине прыжка в высоту. И Вы, читатель, и я — оба мы не специалисты, и всё же простейшие суждения высказать сможем.

Вы не можете прыгнуть на **125 см** — вы давно уже бросили заниматься спортом и изрядно съедаете за ужином.

150 см — эту высоту преодолеть легко.

---

³[Возможно, ошибка и следует читать «в июле»: в 1970-е годы экзамены на мехмат МГУ были в июле.]

Вы прыгнули на **175 см** — о, это привлекает внимание: задатки есть, и неплохие;

200 см — что я вижу! Это же надежда нашего спорта, таких единицы на всю страну;

225 см — нет, так не бывает, это слишком хорошо, чтобы быть возможным.

Хотя всё здесь кажется простым, специалист видит больше. Шкалу испытаний он разобьёт на сантиметры, оценит и технику, и предыдущую школу. Видит он стройного юношу, легко взлетающего над высокой планкой, и сердце старого тренера тревожно бьётся в радостном предчувствии: долгожданный ученик, средоточие счастливого таланта, возьмёт его многолетнюю мудрость и опыт, и покорит новую высоту.

И вдруг вместо трогательной фигуры старого преданного делу учителя вылезает совсем другой персонаж, угрюмый и настороженный.

— Ваша фамилия? — спрашивает он? Айрапетян? Цой? Розенцвейг? (Ах ты, армянское отродье, жёлтая образаина, жидовская рожа.) На письменном экзамене прыгнули на 175 см? Вот задача — прыгните на 10 см выше. Прыгнул? Подыми-ка планку выше двух метров. Теперь не смог? Двойка. Прошу следующего.

Когда критерии не так легко обозримы, то и внутренний смысл последней оценки остаётся зашифрованным.

Какова же трудность задач в математике? Можно её оценить? Нелегко, но возможно. Делается это методом экспертных оценок. К примеру, я проэкзаменовал тысячи школьников, участвовал в олимпиадах и проводил олимпиады, составлял конкурсные задачи для приёмных экзаменов. И если я вырабатываю шкалу трудности, с которой согласны добросовестные специалисты, и выставляю по этой шкале оценки, то неспециалисты могут им верить. А теперь я попробую привести примеры задач пяти степеней трудности.⁴

1. Построить график функции $y = |x|$.

2. Доказать, что число $\log_2 3$ — иррациональное.

3. Решить уравнение $\sqrt{a + \sqrt{a + x}} = x$, $a > 0$.

4. В данный треугольник вписана окружность, вокруг которой описан квадрат. Доказать, что в треугольнике содержится более половины периметра квадрата.

5. Числа m и n имеют одинаковые простые делители. Тем же свойством обладают и числа $m - 1$ и $n - 1$. Выяснить, конечно или бесконечно множество таких пар чисел m и n .

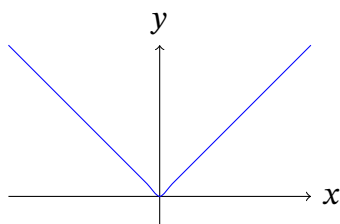
⁴Те, кому это трудно, могут пропустить математический материал, но некоторые люди захотят докопаться до сути дела, не принимая ничего на веру.

Школьник получил эти задачи и начинает их решать.

1. Здесь справа стоит знак модуля, — говорит средне подготовленный школьник, — используем определение. Итак:

$$y = \begin{cases} x, & \text{если } x \geq 0 \\ -x, & \text{если } x < 0. \end{cases}$$

А вот и чертёж:

— Эту задачу мы в школе проходили, — скажет он, если Вы его спросите, — я знал, как она решается.

Отвлечёмся от темы наших заметок и зададимся следующим вопросом:

— Сколько выпускников наших школы решат эту задачу?

— Все три миллиона и решат, — ответит инспектор министерства просвещения и, подумав, добавит: — Школьники со знаниями, не отвечающими требования программ, имеются, но число их, разумеется, невелико.

Я долгие годы пытался бороться с низким качеством обучения математике, хорошо знаю, сколь безотраднo положение. Думаю, что

(!) Каждые два из трёх выпускников наших школ задачу этого типа⁵ решить не смогут.⁶

2. Попробуем дать доказательство от противного, — скажет чуть лучше подготовленный школьник.

В этой фразе — вся хитрость. Дальше — совсем просто:

$$\log_2 3 = \frac{p}{q}; p > 0, q > 0; 2^{\frac{p}{q}} = 3; 2^p = 3^q,$$

слева чётное число, справа — нечётное, противоречие.

⁵Чтобы отсеять тех, кто воспроизведёт решение по памяти, не понимая смысла, задачу следует предлагать в несущественно изменённом виде, например: $y = |2x - 1|$.

⁶Этот прогноз будет неожиданным и для специалистов. Проверки министерства просвещения дают совсем иной, оптимистический, результат, но они, как правило, фальсифицированы.

Средний уровень поступающих в МГУ в текущем (1976) году был невысоким, и трудность большинства задач, предлагавшихся на устных экзаменах, была именно такой. За исключением особых случаев.

3. Освободимся от радикалов, — начинает решать задачу школьник:

$$\begin{aligned} a + \sqrt{a+x} &= x^2; & \sqrt{a+x} &= x^2 - a; \\ a+x &= x^4 - 2ax^2 + a^2; & x^4 - 2ax^2 - x + a^2 - a &= 0. \end{aligned}$$

— Получилось уравнение четвёртой степени, — говорит он. — Я не умею решать такие уравнения.

— Попробуйте ввести новую переменную, — помогает доброжелательный преподаватель, — обозначьте $\sqrt{a+x}$ через y .

Придумать такой трюк нелегко. Дальше — просто:

$$\begin{cases} \sqrt{a+y} = x \\ \sqrt{a+x} = y \end{cases}; (x \geq 0, y \geq 0); y - x = x^2 - y^2.$$

Так как соотношение $x + y = -1$ невозможно, то

$$y - x = 0, y = x, x^2 - x - a = 0, x = \frac{1 + \sqrt{4a+1}}{2}.$$

Сколько школьников смогут решить эту задачу?

Возможно, тысяча человек. Две тысячи? Вряд ли.

Задачу можно предлагать на вступительных экзаменах на мехмат МГУ при сильном конкурсе. Её предлагали — в *особых* случаях.

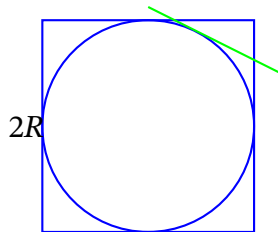
4. Задача совершенно нестандартная. На всю страну найдётся, вероятно, несколько десятков школьников, которые её решат.

Я справился с ней тремя приёмами за несколько дней, и вначале неясно было, как за неё приняться.

Мой коллега, доцент-геометр, работал над ней три дня и, когда решил, специально позвонил из Калинина.

Основная трудность: догадаться, что решение получается из следующей задачи:

Дан квадрат, в который вписана окружность. Какова наибольшая часть периметра квадрата, отсекаемая касательной к этой окружности?

Решая задачу на экстремум, можно доказать, что максимум отсекается прямой, перпендикулярной диагонали квадрата. Максимум этот равен $2(2 - \sqrt{2})R$. В исходной задаче отсекается не более $6(2 - \sqrt{2})R \approx 3,55R$. Внутри треугольника остаётся $> 4,45R$, то есть больше половины.

Предлагать такую задачу на вступительных экзаменах могут только очень недобросовестные люди, а она в этом году предлагалась. В *особых* случаях.

5. Задача невероятной трудности (относительно школьного уровня). Её ни на каких олимпиадах предлагать нельзя. Я не смог её решить, затратив около часа (думаю, что справился, потратив несколько дней самостоятельной работы). Мне сообщили ответ, до которого не ясно, как догадаться:

$$m = 2^k - 1, \quad n = (2^k - 1)^2.$$

Эту задачу получил на прошлогодних экзаменах на мехмат Саша Новодворский, сводный брат которого уехал незадолго до того в Израиль. Письменный экзамен Саша сдал на пятёрку, устный — на двойку.

Какова же была средняя трудность задач этого года?

Гаврилова получала задачу 2, а также такую задачу: доказать, что

$$3 < \pi < 4.$$

Гаврилов: построить график функции $y = 2^{\log_2 |x|}$, построить отрезок с длиной, равной расстоянию между двумя скрещивающимися прямыми, найти область изменения функции

$$y = \frac{x}{x^2 + 1}.$$

Все эти задачи — второй категории трудности.

Типичны ли эти примеры? Да. Пока шёл устный экзамен по математике, около факультета толпились абитуриенты, толкующие и любопытные родители. Выходящих сразу обступали, расспрашивали, и мамыши, в смятении, переспрашивая каждое слово, записывали условия задачи. Сообщу суммарные результаты моих наблюдений, числом более двух десятков.

1. Оценка в половине случаев — выше, чем на устном⁷ экзамене, ни разу — ниже.

2. Степень трудности задач — в большинстве случаев — вторая, изредка — 2,5. Более трудных не было.

Теперь об *особых* случаях.

---

⁷[Опечатка: должно быть «письменном».]

Задачу 4 нашего списка получил на устном экзамене Рубинштейн. Порешал её минут пятнадцать, подошёл экзаменатор, спросил, не решил ли (!), предложил вторую задачу — усложнение задачи 3.

Обе эти задачи получил и Финкельштейн.

Показательны результаты экзамена, учинённого над несколькими выпускниками математической школы №2, из которой, как правило, на мехмат проходят.

Блестящие отзывы о Юре Соркине я слышал и раньше. Он получил первую премию на всесоюзной математической олимпиаде, не поехал на международную олимпиаду из-за странных административных затруднений. Как вы считаете, может ли Ольга Корбут не поступить в физкультурный институт из-за неудачного экзамена по физкультуре? Вывод здесь может быть один: Ольгу принять, незадачливых экзаменаторов уволить. И всё же Юра по конкурсу не прошёл. На устном экзамене он получил три задачи четвёртой степени трудности, среди них такую: что больше,

$$\sin \frac{8}{7} \quad \text{или} \quad \frac{8\pi}{27}?$$

Эту задачу Юра решил (одного этого достаточно для отличной оценки). Ещё одна из подсунутых задач была предложена Югославией на международной олимпиаде.

Не прошли по конкурсу Бескин, Верховский, Илларионов (Шапиро), Липкин, Флейшман. Все их задачи — четвёртой степени трудности. Все, кроме Флейшмана, получили и приведённую ниже задачу, предложенную Соркину. Рассматриваемые там числа равны, соответственно, 0,910 и 0,931. Как может школьник различить их без помощи таблиц, я не очень представляю. Это под силу только такому вундеркинду, как Соркин.

Итак, *существует* особый экзамен: «трудные задачи — евреям».

В особых случаях, как правило, результаты устного экзамена были ниже, чем письменного, и ни разу более высокими, в общем случае — наоборот.

«Недоразумение»

Юра Соркин — русский; отец его — еврей лишь наполовину, по паспорту русский, а мать — русская, без подделки.

Однако мальчика посчитали евреем и применили соответствующую процедуру. На факультете знали математика Юрия Исааковича Соркина-отца и сделали должные выводы. Ведь *это* делают люди заинтересован-

ные, работающие «по велению сердца», с инициативой. Их запись в паспорте не проведёшь, они смотрят на фотографии, вслушиваются в звучание отчества и наводят справки.

Когда Юрина мама узнала о результате экзамена, она пошла на приём к председателю приёмной комиссии. Тот не захотел её видеть. Соркина — женщина энергичная (в прошлом — цирковая актриса), она прорвалась в кабинет и воскликнула:

— Недоразумение! Что же это, произошло недоразумение! Мой сын и не еврей вовсе!

И она объяснила всю его родословную. Профессор побагровел и изгнал её из кабинета, на ходу объясняя справедливые принципы нашего бытия.

Академик Колмогоров написал личное ходатайство о приёме Соркина, но и оно не помогло.

Механизм отклонения (продолжение)

Чтобы проверить, как комплектуются экзаменационные группы, я поднялся на 14 этаж высотного здания МГУ, где вывешивались материалы приёмной комиссии. Здесь меня ожидало разочарование. Списки фамилий отсутствовали, абитуриенты обозначались номерами их экзаменационных карточек. Что делать? Я решил осуществить проверку в другом месте, с аналогичной, по слухам, практикой. Название вуза и факультета сообщать не будут, расскажу лишь о результатах.

У входа в приёмную комиссию — три большие доски со списками абитуриентов, прошедших письменный конкурс по математике, всего одна тысяча сто шестьдесят человек.

Контроль можно было проводить только по звучанию имён и фамилий. Я сделал выписки:

1. Эриванский Юрий Константинович	28
2. Либерман Валентин Исаакович	53
3. Кушнир Валерий Владимирович	53
4. Штерн Ольга Давидовна	28
...	...
35. Конилов Аркадий Бенционович	16
36. Гринбаум Семён Матвеевич	41

Число справа — номер группы. 36 человек из моего списка распределены следующим образом:

по	1	человеку в группе	—	8	групп
по	2	человека в группе	—	6	групп
по	3	человека в группе	—	1	группа
по	6	человек в группе	—	1	группа
по	7	человек в группе	—	1	группа

17

Если 36 человек распределить по 60 группам случайным образом, то в группе, как правило, встретится не более одного человека из нашего списка, скопления по два и больше — явления маловероятные. И вот ещё — на это я наткнулся сразу — в двух группах (53 и 28) скопление более густое. Либерман — 53, Кушнир — 53 — эти фамилии стояли рядом, и я это число запомнил. Вскоре встретил опять: Пинчук... Израилевна — 53, Захаревич... Ицкович — 53, Коган... Ефимович — 53. Эти члены группы 53 шли почти подряд, потом группа дополнилась фамилиями, которые «ухо не резали». Аналогичная ситуация была и с группой 28. Случайность? Картина, на первый взгляд, размытая. Я вспомнил, что я математик, и оценил вероятность. Оказалось, что она не превышает 10^{-19} . Можно ли три раза угадать по 5 чисел из 36 в игре спортлото?

Итак, оказалось, что мои 36 человек скомпонованы по группам отнюдь не случайно.

А вот и итог. Из моего списка прошло по конкурсу трое. Вероятность этого события одна стотысячная, прошёл один еврей из двенадцати, тогда как в среднем — каждый второй человек.

Каковы же побуждения тех, кто всё это осуществляет?

Они не новы. Как это называется, когда социализм предназначается не для всех? В МГУ один из таких — Ульянов. Во хмелю последиссертационной попойки он говорил вслух:

— Ты парень неплохой, и я против тебя ничего не имею, но мы здесь дома, а вы нам не нужны.⁸

В Калининском университете учатся на первом курсе очень смышлённые и очень славные ребята: Олечка Т. и Костя Н. Я встречаюсь с ними каждую неделю. Им всё интересно: решать трудные задачи, слушать разное о математике. Работать с ними мне приятно.

---

⁸Как тут не вспомнить (у С.А. Степняка-Кравчинского) слова государева министра графа Ментирова:

К евреям я расположен душевно. Западная граница вам открывается настезь. Сделайте одолжение! Европа к вашим услугам. Там вам место. Там вас любят. Там нужны ваши таланты и способности. А нам зачем они? У нас своих довольно. Нам нужен русский дух.

Но стоит ли силы на них тратить? Ведь моих детей член Американского математического общества Пётр Лаврентьевич Ульянов готов со свету сжить. Нет уж, дело своё буду продолжать: может, и найдутся русские люди, которые набросят на него уздечку.

IV. Работа

Вам нужна работа? Не убедительно

Назначенный начальником вновь созданного ВЦ Г. начал подбирать кадры и согласовывать кандидатуры с управляющим трестом.

На должности начальников отделов он подобрал десяток человек, среди них — два еврея. Управляющий молча просмотрел документы, отодвинул дела претендентов-евреев.

— Не подойдёт.

— Это хорошие специалисты, кандидаты наук.

— *Не убедительно.*

— Эти люди нам очень нужны.

— *Не убедительно:* мы начальников подбираем. Придётся брать их на совещания, в Госплан, в Совет министров. Как я его рядом посажу? У него на роже всё написано!

Пример сходного умонастроения. Философ Навский, автор книги «История западно-европейской философии», баллотировался в Академию. Он послал Президенту письмо, опровергая злостные слухи о том, что он еврей, и убедительно доказал, что он поляк. Мудрец этот в Академию, однако, не прошёл.

А вот что произошло в Калининне с одним директором школы. Он распекал на совете учительницу Никольскую. Социальный уровень: муж её — филолог, профессор. Она не стерпела и при всём честном народе обозвала директора жидом. Он пошёл жаловаться в обком партии, пытался попасть на приём к первому секретарю, но ему это не удалось. Его завернули в областной отдел народного образования. В школу прибыла комиссия, и Никольской попеняли за нехороший поступок, а директора... сняли за недостатки в учебно-воспитательной работе. Лишь через полгода ему удалось устроиться учителем где-то в пригороде.

Недавно в одном академическом институте закрыли десять лабораторий, руководителями восьми из которых были евреи. О случайности здесь нет и речи: незадолго перед этим в стенной газете института по-

явилась статья директора, где говорилось, что «кадровая политика администрации будет изменена ввиду большого числа отказов от советского гражданства». Всё так, но почему никого не волнует обратная связь, более того, не поменялись ли здесь местами причина и следствие?

Характерная черта последнего времени: раньше щекотливая тема трактовалась иносказательно, теперь всё чаще вопрос обсуждается по деловому.

В НИИ Академии Наук прибыл молодой специалист. Работник отдела кадров ведёт его по коридору в научный отдел для знакомства перед оформлением. Разговор во всеуслышание:

— Так ты русский?

— Да.

— А отец и мать, оба русские?

— Оба.

— А жена — русская?

— Да.

— Ну, тогда всё в порядке.

Я рассказал о немногих особо забавных случаях, обо всех бессчётных рядовых — не расскажешь. Исчерпывающее исследование — не моя задача. Хотелось лишь занумеровать ещё одну грань моего ощущения никомуненужности и общественной изоляции.

День Икс и день рождения

В начале 1971 года я вошёл в вагон калининской электрички, прикидывая, за какое время доберусь от моего дома в Тропарёве до Калинина. Выходило — четыре часа. Высокие, вполне московские дома Крюкова и Клина, пустынный, подступающей к самой платформе лесок в Ямуге, раскинувшиеся по обе стороны железнодорожного полотна заснеженные просторы Московского моря, переплетения труб Редкинского химического завода — всё это мне предстояло созерцать постоянно, дважды в неделю.

Я подводил итоги. В математике сделаны вещи самостоятельные. Плюс. Почти двадцатилетняя работа в системе образования привела к разочарованию: всеобщее низкое качество математических знаний таким и останется, никакие личные усилия тут не помогут. Минус. Удалось переехать в Москву — плюс, а вот работы хорошей в Москве не нашлось — минус.

Увидеть меня у ректора Калининского университета времени не нашлось, но он распорядился заочно: принять. Позднее я узнал стороной,

что ректор сильно сомневался, брать ли меня на работу.

За последующие четыре года я сделал немало, работая энергично, с возродившимся энтузиазмом: открылось новое поле деятельности — организационная работа в прикладной математике.

Когда я начинал, студентам преподавался лишь небольшой двадцатичасовой курс программирования. Практика велась на старой списанной ламповой машине М-3.

Через четыре года:

В «моём» деле около сотни человек. КГУ имеет ВЦ, где в трёх больших залах стоят две машины М-220 и одна ЕС-1020. Четверть миллиона хозяйственных работ. Кафедра вычислительной математики с весьма квалифицированным составом преподавателей. Новая специальность — прикладная математика с сотнями студентов.

Вскоре мне наподдали коленкой под зад.

В университете всё определяет ректор. Он крепко держит все нити в руках.

Думаю, что, принимая меня на работу, он уклонился от встречи не случайно: «пока работай, но помни, что брал тебя не я».

Мнение о нём, по отзывам, сложилось благоприятное: умный, решительный, не склонный прислушиваться к авторитетам, уважающий учёных (точнее, докторов), национально терпимый. К тому же, он дал мне хорошую работу, не вмешивался в дела, и я был ему признателен.

Но в январе 1975 года неожиданно прибыл приказ ректора об отделении ВЦ. Вскоре у меня забрали и научно-исследовательский сектор. Немало к тому усилий приложили мои помощники, оба — полковники в отставке, которые плохо ладили с интеллигентами на кафедре и были очень чувствительны к вопросам субординации.

Невольно вспомнился случай из жизни. В бытность мою в Елабуге заведующая музеем Шишкина, из местных жителей, с семиклассным образованием, водила заезжую экскурсию.

— Шишкин — величайший русский пейзажист, — сказала она.

— А Левитан? — спросили из экскурсии.

— Левитан против Шишкина — щенок, — обиделась заведующая, — да к тому же ещё и еврей.

А теперь — о дне Икс.

Наша секретарша не раз передавала мне просьбу зайти во второй отдел. Я явился и узнал, что проводится важная работа.

— Следует упорядочить учебные планы и программы по случаю дня Икс.

Я пообещал зайти и забыл про это пустое дело.

Однажды мне передали: не зайду — доложат ректору. Я чертыхнулся, оторвался от реальных дел, собрал программы и явился. Мы прошли в конец коридора, постучались в закрытое окошечко, потом в запертую дверь, и были допущены в большую комнату с решётками, где сидел мужчина с бесстрастным лицом. Девушка вынесла из соседней комнаты листочек. Слева колонкой шёл список предметов, справа — часы. Я сказал, что задача мне понятна, как вдруг мужчина сказал несколько отвлечённым образом:

— Мы в связи с этим решили заодно Вас оформить.

В его руках появилась бумажка, и он показал, где надо расписаться.

Я взял ручку и уже было расписался, но обратил внимание, что бумажка напечатана типографским способом и кое-какие слова бросились в глаза: «государственная тайна» и «иностранные граждане».

Я взял бумажку из рук начальника, стал внимательно её читать и допытываться одновременно, в чём дело. Выяснилось, что речь идёт об оформлении допуска к секретной работе.

Я выразил сомнение в необходимости такого шага: ведь моя работа — самая что ни на есть открытая.

Начальник обыденным голосом, как о давно решённом, сказал:

— Мы всех заведующих кафедрами оформляем, все вы уже допущены.

— Тут написано: обязуюсь не разглашать государственную тайну, — сказал я, — а я никаких тайн не знаю и знать не хочу. Насчёт контактов с иностранными гражданами — у меня большая научная переписка. А как с выездами за границу? Я заинтересован в научных контактах.

— Рассмотрим и дадим специальное разрешение.

— Ещё лучше всё это вообще не затевать. Скажу прямо, у меня большие сомнения, ведь это же серьёзный документ.

— Разумеется, — подтвердил он, впервые забыв о своём беззаботном тоне.

— Вот я и хочу хорошенько подумать, прежде чем подписывать, — сказал я и положил бумажку на стол.

— Придётся доложить обо всём ректору, — сказал начальник.

— Ваше дело.

Я попрощался и ушёл.

Об оформлении программ мы оба забыли. Не в них была суть.

Я поспрашивал коллег и знакомых: ни с кем ничего подобного не происходило. Спектакль предназначался единственному зрителю?

И вот вскоре, в один прекрасный весенний день подошли ко мне три дамы с моей кафедры и спросили:

— В местной газете напечатано объявление о конкурсе на вакантную должность завкафедрой вычислительной математики. Что бы это значило?

Я рассказал о случившемся своему коллеге И.

— Дело это возмутительное и беспрецедентное, никогда ни о чём подобном не слышал. Ведь Вы проходили конкурс на эту должность?

— Всего лишь год назад и прошёл единогласно. Хвалили — мёдом мазали: «великолепный организатор».

— Обжалуйте, и объявленный конкурс признают недействительным.

— Вероятно, так и будет, но протестовать мне не стоит, — сказал я, подумав, — ректор потом найдёт сто причин, чтобы меня выгнать. А я не в должности заинтересован, а в работе.

После заседания совета я подошёл к ректору и сказал, что хочу поговорить. Он заколебался, стал ссылаться на занятость, но я настаивал. Он согласился и пригласил меня пройти в кабинет. За ним прошёл секретарь парткома, сел рядом, для поддержки, но во всё время разговора не произнёс ни слова, молчал с мрачным видом.

Я спросил, что бы это всё значило, это объявление.

— Не буду скрывать, конкурс на заведование мы объявили под нового человека. Но ведь Вы сами об этом просили! Вы говорили мне, что с удовольствием прекратите заниматься прикладной математикой и снова целиком углубитесь в свою теорию чисел.

Тут я впервые заговорил резко и сделал ему выговор.

— Ни о чём подобном я никогда не просил. Да, я собирался найти подходящего человека, специалиста, и постепенно передать ему дело. Вы решили меня убрать немедленно. Нужно было со мною поговорить, я освободил бы место, перешёл на другую кафедру, а Вы объявили бы конкурс на вакантную должность. А теперь что получается? Вы меня снимаете, как будто я не справился с работой. Все так и будут думать.

— Тут, возможно, мы что-то недосмотрели, — сказал ректор, — если хотите, я могу выступить на учёном совете и объяснить.

Едва ли ты это сделаешь, — подумал я.

— Раз уж вы всё за меня решили, конфликтовать не буду. Хотел бы уехать с сентября на ФПК.⁹

На том и порешили.

Какую роль во всём случившемся играла моя национальность? Весьма существенную. Количество руководителей-евреев уменьшается повсеместно, в том числе и в КГУ. Среди завкафедрами их было ещё лет

---

⁹Факультет повышения квалификации.

пять назад около десятка, сейчас — два – три человека. Выгнал бы меня ректор, если бы я не был евреем? Возможно. Однако, никогда это не было бы сделано столько грубо, безапелляционно, с нарушением закона. Он ясно ощущал, что имеет дело с человеком безответным. Ругаться он не будет, деваться ему некуда, с ним можно делать всё, что угодно. Здесь — одна из причин теперешнего моего уныния. Я понял: держат, пока есть нужда, как появятся люди, могущие заменить, выгонят без сожаления, в ту же минуту, и сделают это в самой грубой форме.

Недавно исполнилось мне пятьдесят лет. Накануне вызвал меня на заседание партбюро недавно выбранный секретарём Николай Яковлевич Попов, бывший мой заместитель. Он выступил с разгромной речью и очень старался завести на меня персональное дело: я, оказывается, давно уже не платил профсоюзные взносы, пропускал собрания и философский кружок.

— Вы совсем разорвали связь с партией, — зловеще заключил он свою речь.

На факультете ко мне относятся очень хорошо, грех жаловаться. Общее предложение было — ограничиться обсуждением. С днём рождения!

V. Наука

То, что происходит, меня очень огорчает.

— У Вас появились враги? — спросил мой единомышленник.

— Есть люди, которые гонят меня, хотят моей гибели. Бежать, бороться — не получается. Что делать?

— Изъяснитесь конкретнее.

— Существует группа математиков, занимающих весьма высокое положение, которые соединили свои усилия и направили их, сознательно и целеустремлённо, на изгнание евреев из математики. Действуют они в разных направлениях и любыми средствами. Самое возмутительное, беспрецедентное и нечестное — практика отклонения диссертаций.

— Что же это за практика?

— Защищённая в Ученом совете вуза работа поступает в ВАК и направляется на научную экспертизу. Специально подобранный рецензент, в обиходной речи — «чёрный рецензент», на качественную, вполне заслуживающую степени работу пишет отрицательный отзыв. Экспертный совет проводит тенденциозное, с заранее предрешённым исходом, обсуждение и принимает решение об отклонении. Все участники этой процедуры прекрасно понимаю, что диссертация отклоняется потому и только потому, что она еврейская. Эта практика существует уже давно — семь лет. Число отклонённых таким образом диссертаций, кандидатских и докторских, перевалило, по моим подсчётам, за сотню, а весьма возможно, и не одну.

— Как Вы получили информацию?

— В борьбе. Почти два года противился я отклонению кандидатской диссертации Б.,¹⁰ моего ученика. У него очень хорошая, гораздо выше среднего, работа. Я изучил отработанную механику отклонения, встречался с людьми, участвовавшими в отклонении, понял их мотивы. Одновременно я познакомился с десятками подобных случаев. Несмотря на все мои усилия, решением коллегии ВАКа от 22 декабря 1976 года

---

¹⁰[Бернштейн Александр Азриильевич, <http://www.mathnet.ru/rus/person137889>]

работа, неотъемлемая часть моих многолетних трудов, была отклонена. Теперь Вам должно быть ясно: то, что происходит, меня очень огорчает.

* * *

— Вы должны выступить с протестом. Этих людей нужно остановить. Вы их знаете?

— Многих знаю лично, известны и фамилии остальных. Все они — либо члены Экспертного совета, либо члены экспертных групп, эксперты, узкий кружок рецензентов. Поскольку прохождение дел строго документировано, беспристрастное расследование легко могло бы... Да состоится ли оно? Жаловались люди — результата никакого.

— На что же они жаловались?

— Как обычно: диссертация отклонена, но она хорошая, произошла ошибка, просим пересмотреть и утвердить.

— А истинные причины?

— Они никогда не называются: никому не хочется лезть в политику.

— При чём здесь политика? Специалист даёт о работе заведомо ложный отзыв, он голосует за отклонение диссертации, руководствуясь расовыми мотивами, всё это — нарушение закона. Этих людей, а их, как я Вас понял, не так уж и много, нужно разоблачить, наказать, и уж, во всяком случае, помешать им творить беззакония. Вот Вы и должны выступить с протестом.

— Почему я?

— Если не Вы, то кто? Сколько раз бахвалились Вы, что стремление к истине — духовная Ваша суть, не давать Вам заниматься математикой означает лишить Вас самой основы бытия. И вот, появляются люди, грязнящие истину, выбивающие из-под ног фундамент, на который Вы опираетесь. И ты смиренно подчинишься? Ты боишься? Не бойся — ты уже умер.

Я хотел ответить и не мог.

— Не отвечайте, я понимаю Ваши чувства, Ваши опасения. Поступим так: Вы по всей форме изложите Ваш протест, Вы опишите Ваши наблюдения. Потом — подумаем.

Письмо президенту Академии наук

Товарищ президент!

Вы недавно заняли свой высокий пост. Вам предстоит совершить дело восстановления справедливости.

Речь идёт об уничтожении воинствующего антисемитизма в математике.

Явление это, которое всегда отвергали люди культуры, тем более нетерпимо в наши дни, когда «полная и окончательная ликвидация... национального гнёта и расовой дискриминации...— оптимистическая перспектива, которую предлагают миру коммунисты», и особенно отвратительно оно в сфере учёных, цель жизни которых — непрерывные поиски истины.

Речь не идёт, как обычно в таких случаях, о чём-то бесформенном и неуловимом. Конкретные адреса: Математический институт имени В.А. Стеклова АН СССР. Конкретные люди. Я назову лишь некоторых из них, наиболее активных. Академик И.М. Виноградов, члены-корреспонденты АН СССР А.И. Ширшов, Ю.Л. Ершов, С.В. Яблонский, доктора физико-математических наук А.А. Карацуба и П.Л. Ульянов. То, что они делают — преступление против науки, не говоря уже о мотивах, которые не только аморальны, но и наказуемы по советской конституции и законодательству.

Они сознательно и целеустремлённо в массовом порядке отклоняют через Экспертный совет ВАКа хорошие диссертации, авторы которых — евреи. Дело это преступило все рамки «меры и приличия»: отклонённые докторские диссертации насчитываются уже десятками, кандидатские — многими десятками, а, может быть, точный счёт покажет, и сотнями. Это — беспрецедентно, ничего подобного не было во всей истории науки!

Дело зашло так далеко, что не пытаются соблюсти и видимости благопристойности: среди вызываемых на экзекуцию на заседание Экспертного совета две трети, три четверти, а есть случаи, и все сто (!) процентов — евреи.

Когда Вы начнёте разбираться в сути дела, а разобраться необходимо ради здорового будущего нашей науки и нашего общества, Вам откроется клоака научной беспринципности.

Отрицательные отзывы, заведомо лживые, часто вкусовые, игнорирующие всякие нормы научной критики, откровенно безграмотные.

Заседания, в пятнадцать – двадцать минут отклоняющие работы, подводящие итог многолетнему сложному труду, имеющие положительную оценку многих специалистов, международное признание. Вынесение обоснованного решения в таких конфликтных ситуациях требует длительного детального разбора, не ограниченного во времени. И вот — обсуждают что угодно, но не суть, участники обсуждения плохо представляют себе предмет, но активно ратуют за отклонение, специалисты на заседание не допускаются и остаются стоять за дверью, хотя и наста-

ивают на праве высказать своё мнение. Зачем? Знающий человек может лишь помешать.

Амбиция, побуждающая настаивать на одиозных решениях, вызвавших всеобщее возмущение. Пример — позорные решения по диссертациям [Михаила Шамшоновича] Цаленко и [Эрнеста Борисовича] Винберга при повторном их рассмотрении в Стекловском институте. Как тут не вспомнить слушание дела «этого канала Д.» во втором Военном Совете!

Все члены экспертного совета, все эксперты ответственны, хотя и в разной степени. Многие из них уступили давлению, не желали конфликта, не хотели поступиться привилегиями. Освободите их от гнёта, они сразу же расскажут Вам, что они не хотели, они не всё знали, их заставили.

Я заключаю.

Я обвиняю Ивана Матвеевича Виноградова в том, что он является главным организатором и вдохновителем антисемитизма в нашей математике. Пусть на склоне лет задумается он, кого увидит, взгляды в зеркало Истории: выдающегося творца или отравителя духа справедливого научного исследования.

Я обвиняю Анатолия Алексеевича Карацубу в том, что он, в противовес практически всеобщему мнению специалистов, шельмовал и проваливал хорошие и даже выдающиеся работы по теории чисел, руководствуясь лишь национальными антипатиями. Пусть его больная совесть не даёт ему покоя!

Я обвиняю Юрия Леонидовича Ершова и Анатолия Илларионовича Ширшова в том, что они создали нетерпимое положение в алгебраической науке, преследуя всех людей, не разделяющих их крайние взгляды.

Я обвиняю Петра Лаврентьевича Ульянова, который при приёме в МГУ нарушал нормы справедливого отбора, способствовал провалу хороших диссертаций в МГУ и в Экспертном Совете.

Я обвиняю Сергея Всеволодовича Яблонского в проведении расовой политики в математической кибернетике.

Я обвиняю Экспертный совет ВАКа по математике и механике в нарушении своего служебного долга, выразившемся в многократном отклонении диссертаций математиков-евреев, заслуживавших утверждения.

Я обвиняю Математический институт Академии Наук в том, что там царит дух антисемитизма и нетерпимости, отравляющий математическую жизнь.

Вы должны вмешаться и оздоровить положение. Пусть не останавливают Вас соображения чести руководимого Вами Высокого учреждения, они не пострадают. Вспомните злополучного Бильо!

Нужно:
Полностью сменить состав Экспертного совета.
Виноградова срочно отправить на пенсию.
Широко открыть все форточки в Стекловском институте — там пахнет трупом.
Слова, которыми человек великой думы заключил своё историческое письмо, это и мои слова.
Вы должны олицетворять, возглавляя советских учёных, высокие принципы научной чести, стремления к истине и справедливости. Так выполните же свой долг!
Примите, товарищ президент, уверения в моём глубочайшем уважении к Вам.
Григорий Фрейман, профессор, доктор физико-математических наук.

* * *

А теперь подробнее.

Иван Матвеевич Виноградов

«...родился 14 сентября (н. ст.) 1891 г. Отец его, Матвей Авраамьевич, был священником на погосте Милолюб великолукского уезда, Псковской губернии... родители отдали его в реальное училище в уездном городе Великие Луки (1903 г.), куда отец Ивана Матвеевича переехал из Милолюба со всей семьёй, получив место священника Покровской церкви»¹¹

Возможно, уже из впечатлений детских лет развивается его ненависть к евреям — одна из существенных, главных пружин, побуждающих к деятельности его активную натуру. Другие его основные страсти — жажда власти и любовь к математике. Математик он был замечательный, здесь спору нет.

О своём отношении к евреям И.М. всегда говорил вслух, хотя и за спиной.

Н. в период защиты кандидатской диссертации много времени провёл в Стекловке и неоднократно встречался с Иваном Матвеевичем. Он свидетельствует, что когда в кабинете И.М. собираются два-три человека из его приближённых, то любой разговор, с чего бы он ни начинался, через пятнадцать – двадцать минут переходит в основное русло — со вкусом и увлечением начинают ругать евреев.

¹¹Б.Н. Делоне, *Петербургская школа теории чисел*, 1947, с. 321.

Немчиновы жили в академическом посёлке, и их дача стояла рядом с дачей И.М. Тот часто видел их через забор, но никогда не подходил и не здоровался.

И вдруг он подошёл к Немчиновой и сказал:

— Здравствуйте, Мария Ивановна, а я-то ведь думал, что вы с Василием Сергеевичем евреи!

Когда И.М. позвонили сверху, ругая Шафаревича, тот ответил:

— Шафаревич не еврей.

— Но он такой и сякой...

— Он не еврей, я сам проверял.

— Да, но...

— Шафаревич не еврей, а до остального мне дела нет.

Думаю, что этот знаменитый анекдот имеет некую реальную основу.

Когда И.М. не понравился чем-то математик Сабиров, он сказал:

— Какой же это Сабиров, это же Шапиро.

Моего учителя Александра Иосифовича [Осиповича] Гельфонда И.М. называл за глаза не иначе, как Сашка-жид.

Прекрасный администратор и политик, И.М. вот уже несколько десятилетий держит в руках все рычаги управления математической жизнью. Всё реальное — выборы в Академию, присуждение премий, посылка за границу — всё это делается по его решению и под его контролем. Возможности остальных академиков-математиков, как бы знамениты они не были, невелики. Например, Марка Григорьевича Крейна много лет подряд выдвигали на Ленинскую премию. Наконец, Александров, Колмогоров и Петровский опубликовали в «Известиях» статью, в которой они настаивали на необходимости присуждения Крейну премии, но безуспешно.

Когда я узнал, что Карацуба готовит отклонение работы Б., я решил повидать И.М. — третий раз в жизни.

Впервые я встретился с ним, когда он присутствовал на моём докладе на третьем математическом съезде летом 1956 года. После доклада он сразу встал, подошёл ко мне и сказал с одобрением:

— Ничего, — потом сделал паузу и повторил: — ничего, ничего...

И ушёл.

Во второй раз встреча состоялась незадолго до защиты мною докторской диссертации, в начале 1965 года. Я был приглашён в Стекловку и долго гулял по коридору второго этажа, возле кабинета директора. Наконец, вдали по коридору появился И.М. — грузная, массивная, невысокая фигура, сутулый, с наклонённой вперёд большой обритой головой, руками, свисавшими по бокам его сильного туловища чуть не до полу — похожий на орангутанга. Мы прошли в его кабинет, и мне была устроена

торжественная встреча, почти на два часа. Я подарил И.М. все свои работы, рассказал о своих результатах и получил его одобрение. И.М. говорил неторопливо, с отступлениями в прошлое, с рассказыванием всяких случаев, анекдотов, что и беседе вкус придавало, и давало время подумать о серьёзном.

Больше я его не видел и, зная его антипатии, не стремился к личной встрече, хотя область научных интересов у нас одна, и я многое почерпнул из его трудов.

И вот теперь, в решительный момент, я задумал к нему обратиться. Всё обмозговав, звоню к нему домой, представляюсь, предлагаю обсудить общие научные проблемы. И.М. сразу узнал меня, сказал, что болен, предложил встретиться, когда выздоровеет.

Месяца три я ходил к Константину Васильевичу Бороздину¹² — личному помощнику Виноградова, не математику, но человеку весьма умному, дотошному и великому администратору.

Он каждый раз меня выслушивал, внимательно и даже приветливо объяснял, почему И.М. отсутствует или чем он занят, и приглашал зайти или позвонить через неделю. Я потерял было надежду, но однажды К.В. пригласил меня на четверг, сообщив, что встреча планируется.

Когда я в четверг поднимался по лестнице, я столкнулся с тремя молодыми неграми, которых сопровождал ответственный сотрудник института.

— И.М. собирался Вас принять, однако, сейчас он будет принимать негров... — К.В. говорил в своей лапидарной манере, отмеряя слова. Здесь он сделал паузу, подумал и добавил: — и арабов.

— Раз так, — сказал я, — придётся подождать.

Через минуту негры проследовали в кабинет, арабов никаких не было, и я понял, что это была просто тонкая шутка К.В.

В этот день я к И.М. снова не попал. Но вот пришёл следующий вторник.

Секретарша в пустой приёмной вежливо пригласила меня присесть, прошла в кабинет И.М. и пригласила войти. И.М. восседал за большим письменным столом, стоявшим слева у стены между двумя большими окнами. На противоположной стороне огромного кабинета висела большая доска. Когда я вошёл, И.М. поднялся, пожал руку, пригласил сесть на стул, стоявший у стола по правую его руку. Разговор начал разворачиваться неторопливо, чего я и ожидал, вспоминая его манеру. Тем неожиданнее оказался для меня финал.

Я напомнил о последней нашей встрече, о моих занятиях общими

---

¹²<http://www.mathnet.ru/rus/person49652>

закономерностями аддитивной теории чисел. И.М. подтвердил, что он об этом помнит. Я сообщил, что удалось найти приложения моих идей в теории вероятностей. И.М. стал развивать тогда свою излюбленную тему о связи формы и сути в математических исследованиях. Это извечный спор математиков двух направлений, который у Бурбаки в «Архитектуре математики» выражен в противопоставлении стратегического подхода (форма) и тактического подхода (суть). Что же важнее — общность или результат? Думаю, что результат. Так же думал и И.М.

Я решил понемногу приступить к делу:

— В последнее время я очень заинтересовался знаменитой задачей Маркова [Андрея Андреевича Маркова-старшего] об арифметических минимумах квадратичных форм, и мне удалось получить существенные, на мой взгляд, результаты.

— Так эта задача, она что, — сказал И.М., запинаясь, — она не то, что предлагал Делоне?

Фраза эта, как вспышка молнии, осветила ситуацию, сделала её предельно понятной. Говорила она мне о многом.

Старик сидел в своём кресле уверенно, прочно, говорил ясно, его большая бритая голова, широкая фигура, неторопливые движения широко расставленных больших рук — всё это было, как некогда, внушительно. И однако, понял я, он уже не вполне силён разумом, плоховата память, труднее стало скрывать мысли.

Он не понял, о какой задаче идёт речь, забыл, а не знать о ней в своё время не мог. Вот что об этой работе Маркова пишет Делоне: «Эта работа, весьма высоко оценённая Чебышёвым, принадлежит к числу самых острых достижений петербургской школы теории чисел, да, пожалуй, и всей русской математики»¹³.

И.М., будучи сам представителем той же школы, не узнал знаменитой задачи Маркова в ссылке Делоне, которую он с кем-то обсуждал. С кем, о чём шла речь?

Мне всё это стало совершенно ясно. Именно в задаче Маркова получил серьёзное продвижение Б., и этот-то результат и обсуждал Карацуба с Виноградовым, докладывая о нём, как о продвижении в некой никчемной задаче, предложенной Делоне.

Я и раньше знал, что для И.М. пустяков не существует, каждую мелочь он держит под контролем. Итак, по диссертации Б. Карацуба получил от И.М. точные инструкции и провал работы организуется по его указаниям.

Я неопределённо кивнул головой в ответ на его вопрос и предложил:

---

¹³Б.Н. Делоне, *Петербургская школа теории чисел*, 1947, с. 144.

— Разрешите, я коротко охарактеризую результат по существу?

И.М. согласно кивнул головой, я встал и прошёл вперёд, к доске.

— Множество минимумов можно изобразить точками на прямой, точками спектра.

Я взял кусок мела, провёл на доске линию.

— Марков нашёл все точки спектра, меньшие трёх. Следующий важный результат — Маршала Холла, который доказал, что в спектр входит луч. А каково его начало? Б.Н. Делоне с учениками доказал, что оно лежит левее 6,4, а я с учениками и сам Холл получили усиление до 5,1.

Я перевёл дух, так как подошёл к главному.

— Очень важное усиление, причём новым методом, получил Б. Его оценка: 5,04.

В этот момент в кабинет вошла секретарша, подошла к И.М., наклонилась к нему. Я, увлечённый рассказом, не обратил на это внимания, но позднее, обдумывая происшедшее, я ясно вспомнил, что он сказал ей коротко:

— Посидите.

Она села на стул, который только что занимал я.

Я продолжал свой рассказ.

— Мне удалось усилить результат Б. Я нашёл точное значение начала луча Холла — оно оказалось равным 4,62, с округлением.

Я с торжеством нанёс эту знаменательную точку на прямую.

В этот момент обстановка в кабинете резко изменилась. Исчезли тишина и спокойствие. Распахивалась и закрывалась входная дверь. Были, собственно, только два человека, Бороздин и [Евгений Фролович] Мищенко, заместитель директора, но казалось, что ворвалась целая толпа. Они открывали какие-то папки, протягивали И.М. на подпись какие-то бумаги, толпились вокруг стола, сразу отделив от меня ранее столь доступного И.М. непроницаемой стеной.

Я не сообразил сразу, что происходит, но инстинктивно почувствовал, что следует закругляться.

— Главное я рассказал, — сказал я и прошёл к столу, причём сателлиты И.М. вились вокруг стола в немом танце так, словно я мог, приближаясь, причинить некий вред их любимому начальнику, и они стремились защитить его, преградив путь ценою собственной жизни. Мне едва удалось протиснуться. Я взял свои книжки, которые положил на стол в начале беседы, протянул их И.М., указав то место, где было приведено искомое значение начала луча.

— Я посмотрю, посмотрю, — сказал И.М. — Вы уж извините.

Он жестом показал на толпу, на ждущие подписи бумаги.

Я направился к двери, но он поднялся от стола, грузная сторбившаяся массивная фигура, протянул руку. Я пожал её, снова еле протиснувшись сквозь замкнутый строй его вассалов. И — покинул поле боя.

Только в коридоре понял я, что произошло. Услышав фамилию Б., он понял, к чему я клоню, и стал бешено нажимать кнопки на своём письменном столе, вызывая всех своих помощников, которых он заранее проинструктировал, как действовать, когда придёт момент меня выставлять.

Анатолий Алексеевич Карацуба

В давние времена я часто встречал Карацубу на заседаниях семинара Александра Осиповича. Студентом он специализировался по теории чисел у [Николая Михайловича] Коробова, потом учился у него же в аспирантуре.

Был он стройным, худым и застенчивым, ходил в белоснежной рубашечке, был со всеми очень приветлив и доброжелателен, активно занимался альпинизмом и придерживался взглядов весьма прогрессивных.

Б. в те годы тоже учился у Коробова и был с Толей весьма близко знаком. В первые два года после перехода Карацубы на работу в Стекловку их отношения оставались без изменений. Когда Б. являлся в Стекловку, Карацуба с ним тепло общался. Когда Иван Матвеевич приблизил Карацубу, тот резко изменился, порвал со старыми университетскими друзьями, даже здороваться перестал. Виноградов и Коробов поспорили по вопросу о приоритете. Когда Николая Михайловича стали изгонять из института, то Карацуба энергично в этом помогал. Коробов до сих пор ходит по различным инстанциям, добиваясь восстановления.

Впервые Карацуба выступил на новом поприще, когда в Ленинском пединституте происходила защита докторской диссертации Файнлейба.¹⁴ По всеобщему мнению специалистов, это была хорошая работа, вполне отвечающая нужному уровню. Карацуба явился на защиту, устроил огульный разнос, и работе не хватило одного голоса до двух третей. Файнлейб до сих пор не доктор.

Когда диссертация Б. защищалась, я вовсе не задумывался, как она будет утверждаться, не нужны ли дополнительные отзывы и еще какая-нибудь организаторская работа. Зачем все это? Диссертация очень хорошая, а хорошая работа отклонена быть не может. Я не стал волноваться

---

¹⁴http://www.mathnet.ru/php/person.phtml?option_lang=rus&personid=26002

и тогда, когда узнал, что экспертом по теории чисел является Карацуба и именно ему поручено рассмотрение диссертаций по теории чисел. Что из того? Попытается он придраться, но ведь решение выносит не он один, ведь если синклит достойнейших математиков обсуждает дело по существу, то очевидно, что хорошая работа отклонена быть не может!

Однако рассмотрение затягивалось, мы стали беспокоиться и наводить справки. Удалось выяснить, кому работа поступила на отзыв. Координаты: Стекловка, Долбилин. Узнали, о ком речь. [Николай Петрович] Долбилин,¹⁵ молодой парень лет двадцати пяти, недавно защитивший кандидатскую диссертацию, работает в отделе Делоне.

Тут впервые я почувствовал, что варится какая-то каша. Почему работа поступает на отзыв молодому пареньку, не специалисту?

Я позвонил Делоне. Тот ничего не знал, но обещал выяснить. Это очень настораживало: Делоне не знал, что работа у Долбилина, работника его собственного отдела, тот ничего ему не сказал, хотя работа была у него уже не менее трех месяцев.

Когда я вторично разговаривал с Делоне по телефону, тут-то до меня и донесся впервые тот явственный запах разложения, в исключительном окружении которого я и живу последнюю пару лет.

Да, Долбилин получил работу на отзыв. Только что (!) получил, потому и не успел доложить. Работа ему не нравится. Очень уж специальные вопросы рассматриваются. И уж очень ему не нравится, что условия совпадения спектров Маркова и Лагранжа получены не всюду, а лишь на некоторых интервалах.

— Но ведь эти условия — необходимые и достаточные, это — капитальное продвижение, — возразил я.

Аргументы типа приведённого Долбилиным неотразимы. Ты первым переплыл Ла-Манш. Это очень плохо, потому что ты не переплыл Атлантический океан до самой Америки.

Борис Николаевич, хотя и очень старается уклониться от конфликтов, но будучи вынужденным высказаться, скажет правду. Он условился о встрече на следующий четверг. Он, я и Долбилин должны были познакомиться и в ходе научной дискуссии выяснить истину.

В среду я позвонил Делоне и напомнил о предстоящей встрече.

— Коля нас опередил (!), — сказал Борис Николаевич, — сегодня он отослал работу в ВАК без отзыва.

Лишь понемногу понял я побудительные причины подобных действий. Плата Карацубе, тот кусочек мяса, который над ним на веревочке держит Иван Матвеевич, — это звание члена-корреспондента. У Долби-

¹⁵http://www.mathnet.ru/php/person.phtml?option_lang=rus&personid=8890

лина в перспективе — защита докторской, а в ближней перспективе — получение квартиры. Вот он и взялся за чёрную работу, порученную ему Карацубой. Но втихомолку сделать ее не удалось. Долбилин увидел, что начинается скандал. (Узнал Делоне. Позвонил ему М. и просил объясниться.) Дать отрицательный отзыв — опозориться, а он не готов к этому, он еще не сжёг за собой все мосты, как Карацуба. Дать положительный отзыв — лишиться работы (комментарий М.) . Работа отсылается без отзыва.

— Работа слабая — вот причина, а все эти нюансы — галлюцинация, не было их! — Таков будет истошный вопль защитников «Нового союза истинно-русских людей в математике».

У меня свидетель есть. Сам Долбилин. Недавно, в разговоре в одной компании, он изложил собственную и, к чести его сказать, правдивую версию случившегося. Да, ему предназначалась роль «черного рецензента». Да, работа сильная, не неуязвимая, но вполне достойная степени. Потому он ее отослал без отзыва. Надежды нет, работа будет отклонена, так как Виноградов и Карацуба ненавидят руководителя автора работы.

Дальнейшие следы работы затерялись. Кому передал ее Карацуба для отзыва, было неизвестно.

Я пошел к Делоне.

Борис Николаевич — старейший из советских математиков, ему семьдесят шесть лет. Даже И. М. моложе Делоне на полтора года. Старик относится ко мне хорошо, хотя ирония и колкости в его речах постоянно присутствуют, как пряности в восточной пище. Сейчас, после смерти жены, он очень сдал, поредели седые волосы, похудело лицо, зубов осталось совсем мало, но еще недавно он был молодцом. Приятно было глядеть на его бронзовое обветренное здоровое лицо. На работу в Стекловку он приходил в тренировочном синем шерстяном костюме с белым чемпионским ободком. Некогда он был выдающимся альпинистом и спортивность сохранил до самого последнего времени. Как-то зимой он небрежно спросил меня, не боюсь ли я открытой форточкой («Вы, семиты, опасаетесь прохладного воздуха»), залез на подоконник, захлопнул с шумом форточку и спрыгнул, не слез, а именно спрыгнул на пол, тяжело, не очень ловко и очень был всем этим доволен.

Старику очень не хотелось вмешиваться во всю эту перепалку. Я, как обычно, просидел у него много часов, он снова пересказал мне все события своей молодости, все московские математические анекдоты. Я слышал уже, что Понтрягин написал отрицательный отзыв на очень сильную докторскую диссертацию Винберга, защищенную в МГУ. Лев Семенович Понтрягин — математик, достижения которого стали уже классическими. Станный ход мыслей, свойственный не ему одному, привел

его в последние годы к убеждению, что еврейская математика — плохая математика и с ней надо бороться. Говорят, что именно по этим соображениям он настоял, чтобы набор двух томов исторического обзора «Математика в СССР за 50 лет» был рассыпан. Книга эта в свет так и не вышла.

— Винберг пришел ко мне, — рассказал Делоне, — и стал рассказывать со слезами на глазах, показывая какие-то древние бумаги, что еще дед его работал начальником канцелярии в министерстве, был в высоком чине, и потому никак евреем быть не мог, и сам он не еврей, а обрусевший швед. Я рассказал об этом при встрече Понтрягину, тот пробормотал: «Неужели» и был весьма обескуражен.

Пригляделся я к Винбергу при встрече и решил, что честь принадлежности к богоизбранному народу он отклоняет совершенно напрасно.

Так мы и беседовали, пока я не потерял терпение и не поставил вопрос прямо: если Борис Николаевич считает работу слабой, пусть так и скажет, если же работа сильная, то он должен, как ее инициатор, дать объективный отзыв. Делоне еще немного подумал, взял ручку и написал положительный отзыв, который и был отправлен в ВАК.

В марте 1976 года появился отрицательный отзыв рецензента ВАКа. Ниже я подробнее проанализирую этот важный документ, пока скажу лишь, что это — насквозь лживая бумага. Все это время я не предпринимал никаких попыток обсудить проблему лично с Карацубой: то, что он целеустремленно старается организовать провал работы, вовсе не было моей гипотезой. Через общих знакомых доходили конкретные сведения, цитировались его высказывания, в яркой форме рисовавшие безнадежный исход дела.

В конце марта, в гостях у А., я получил совет все же встретиться с Карацубой: как ни ясна его позиция по косвенным данным, нужно уточнить ее в прямом контексте. Под рукой оказался телефон жены Карацубы (живут они не совсем вместе и не совсем отдельно). Позвонили, и Карацуба неожиданно оказался на месте. Когда я представился, он был ошеломлен и не знал, что сказать.

— Я не в курсе этого дела, — сказал он наконец, — отзыв на работу ко мне ещё не поступал. Когда я с ним ознакомлюсь, можно будет встретиться.

Я позвонил еще через неделю и получил такой же ответ, еще через неделю — то же. Я понял, что он ведет себя, как шкодливая мышь, которая под полом прилежно грызет, но нос на свет Божий высунуть боится. До самого заседания экспертной комиссии, куда дело поступило уже полностью им оформленное к отклонению, повидаться так и не удалось.

После того, как работа была отклонена и, по моей жалобе, снова воз-

вращена в Экспертный совет, я позвонил ему еще раз и тут выяснилось: Карацуба «совестлив». Я был поражен той бездной неподдельного человеческого чувства, которое он на сей раз вложил в разговор.

— Анатолий Алексеевич, надо бы нам все же встретиться по поводу работы Б.

— Вы так считаете?

В его голосе — невероятно живое чувство, болезненное страдание.

Я промолчал, ожидая конкретного ответа. Все его слова — доподлин-ные, я их записал сразу после разговора.

— Я не знаю... — здесь голос его снизился почти до шепота, заколе-бался в высшей нерешительности, и аккорд разрешился мучительно-не-определённым:

— Когда же это?

— Как вы назначите, — сказал я.

Шепчет что-то (да, да, шёпот, как будто человек про себя перебирает свои дела), потом умолкает, умолкает насовсем.

Я жду. Ничего. Молчание. Я вынужден его прервать.

— Надо всё же поговорить...

Он — потерянным голосом:

— Понятно.

Снова пауза. Наконец он снова обрел нормальный голос.

— Дело в том, что я уезжаю за границу, вот с этим всё связано.

Договорились встретиться по его возвращении.

После этого разговора я решил ему больше не звонить.

И всё же встреча и разговор состоялись, незадолго до завершающе-го заседания Экспертного совета, где Карацуба сделал всё, чтобы прова-лить работу.

Встреча эта произошла случайно — в троллейбусе. Я знал, что жена Карацубы живёт через дом от меня, но ни разу с ним вблизи от дома не встречался. И вот, зашёл я как-то в троллейбус, шедший по проспек-ту Вернадского, опустился на сидение и обнаружил, что напротив меня сидит Карацуба. Мы увидели друг друга одновременно и смотрели друг другу в глаза, он — несколько выжидательно; многие люди с ним сейчас попросту не здороваются. Я кивнул головой, он — тоже, и мы одновре-менно отвели взгляд.

Разойтись, не произнеся ни слова? Нет, мне стыдиться и скрывать нечего, нужно провести разговор, взывая к каким-то остаткам порядоч-ности. Если же, как в случае с Виноградовым, всё это окажется тщетным, то ясность, по крайней мере, будет достигнута на основе личного опыта.

— Анатолий Алексеевич, раз уж мы повстречались, нужно погово-рить, — начал я. Речь идёт о работе Б.

— Да, я вспоминаю его, — сказал А.А. — он, кажется, учился в МГУ. Каково! Увидав родную маму, этот человек скажет: мы, вроде бы, встречались.

Троллейбус остановился, мы вышли и пошли по тротуару, который через полторы сотни метров сворачивал к его дому. Мне необходимо было успеть сказать всё существенное.

— Я хорошо знаю эту работу. Она — высокого класса.

— Но в отзыве дана критика работы, там есть ошибки — как бы стал припоминать А.А.

— Отзыв необъективен. Существенных ошибок в работе нет. Работа — очень хорошая. Не об этом я хочу говорить (обо всём этом Вы и сами прекрасно знаете). Я к Вам обращаюсь с личной просьбой — не режьте эту работу. При решении её судьбы Вы — человек ключевой.

— Ну что Вы, что Вы, — стал отбиваться А.А.

— Да, да, это так, — прервал я его, — может быть, у нас с Вами и были какие-то столкновения, но они незначительны...

— Да и не было никаких столкновений, — поддержал А.А.

— Тем более, пропустите эту работу, это — весьма успешный плод упорного многолетнего труда.

— Но ведь в отзыве указаны ошибки, так я припоминаю, — с большим интересом в голосе и настойчивостью повторил Карацуба.

Я думаю, что рецензент, а может быть, и он сам не один день потратили, чтобы найти хоть какие-то погрешности в тщательно сколоченной работе, и он хотел узнать моё мнение по существу.

— Да, там есть указание на одну погрешность, которая не является существенной и исправляется в одну строчку, в остальных же своих замечаниях рецензент ошибся.

Карацуба сказал ещё что-то незначительное, мы остановились, обменялись последним в нашей жизни рукопожатием и расстались.

Слова я тратил и унижался впустую. Он не мог пренебречь работой, порученной ему И.М., да ещё в преддверии выборов в Академию. Да и не собирался он этого делать. Но при всём том, у него было постоянное стремление приуменьшить своё участие в этом грязном деле, желание стусеваться.

На заседании в декабре, где ему удалось все же довести дело до конца и похоронить работу, он сидел набычившись, руки на коленях, в глаза Б. не посмотрел ни разу, даже когда задавал ему вопросы.

Мы его не любим, он тоже пришел

Отношение Виноградова и Карацубы ко мне, о котором говорил Долбилин, объясняется причинами общими. Милейшие мои встречи с Виноградовым я описал. С Карацубой я тоже никогда не конфликтовал, за одним небольшим исключением.

В 1971 году состоялась международная конференция по теории чисел в честь восьмидесятилетия И. М. Виноградова. Меня на эту конференцию не пригласили, и не потому, что я рангом не вышел, ибо ученики мои и аспиранты приглашение получили. Не пригласили Левина, Шапиро-Пятецкого, да что там говорить, даже Гельфанда. Не было Эрдёша и Турана.

Карацуба был заместителем председателя Оргкомитета. Я пришел на заседание, встретил его в коридоре и недовольным голосом высказал свои претензии.

— Сейчас уже поздно что-либо предпринимать, — сказал Карацуба, — ходите на заседания, принимайте участие в работе, я скажу, чтобы вас пропускали.

— А почему, собственно, поздно? — спросил я нахально. — По-моему, ошибку эту можно было бы и исправить.

Но ответа от него я не получил.

Кстати, о теперешних математических конференциях. Принципы организации многих из них прекрасно иллюстрируют всю глубину размежевания математического общества по еврейскому вопросу.

Этой весной в Грузии состоялась конференция по дискретному программированию. Организовывал ее А. Фридман¹⁶. Оказывается, происходят параллельные конференции (Яблонский) по чисто русской кибернетике, куда евреи не приглашаются. Более того, туда не приглашаются и русские, которые якшаются с евреями.

Принципы расовой чистоты строго соблюдались на конференции по теории групп (Краснодар, 1976 г., Горчаков).

Кишиневская конференция по математической логике. Уже печатались тезисы докладов, представленных на конференцию (Шайн получил письмо, в котором его торопили прислать исправления к докладу), когда неожиданно ряд приглашённых получил извещения, что в связи с большим числом заявок и малым числом мест в гостиницах их участие отменяется. Среди получивших отказы были, например, Шайн¹⁷,

¹⁶http://www.cemi.rssi.ru/about/persons/index.php?SECTION_ID=7&ELEMENT_ID=250

¹⁷<http://www.mathnet.ru/rus/person23658>

Гриндлингер¹⁸, Шнеерсон¹⁹. Вскоре прояснилась и подоплека этого дела. Члены Оргкомитета Ширшов, [Юрий Леонидович] Ершов и Адян потребовали приезда в Москву секретаря оргкомитета со списком приглашенных и стали этот список чистить.

Шайн, получив отказ, отправил в Кишинёв письмо, где отмечал, что так как людей, которым отказано в участии, объединяет лишь один признак, то приходится вспомнить случай, который в 1934 году произошел с Исая Шуром, получившим из «Mathematische Vereinigung» письмо, в котором отклонялась его заявка на участие в конференции из-за того, что он несвоевременно заказал место в отеле.

По причине ли этого письма, по какой ли другой, все первоначальные приглашения были вскоре подтверждены.

Ершов, Ширшов и Адян в Кишинёв не поехали.

Чтобы яснее стали мои минорные настроения одиночества и изоляции, расскажу заодно о моей «поездке» в Венгрию.

Летом 1973 года в Венгрии должна была состояться конференция, посвящённая шестидесятилетию Поля Эрдёша. Научные интересы Эрдёша близки мне чрезвычайно. Я близко познакомился с ним и неоднократно встречался, когда он приезжал в Москву на Международный конгресс математиков в 1965 году.²⁰

Я подарил ему тогда свою книжку. Он на ходу перелистал её и пошутил:

— Это очень хорошая книга.

— ???

— По определению: хорошая книга та, где вас цитируют.

Мне выслали приглашение. Я не получил его, но понял, что оно существует, когда прочитал новогоднее поздравление Семереди, которое заканчивалось словами: «До встречи летом на Балатоне!».

В ответном письме я просил выслать мне приглашение по месту работы. Вскоре секретарь факультетского партбюро отдала мне распечатанный конверт с приглашением.

Я пошёл к ректору.

[Владимир Васильевич] Комин ответил мне без долгих раздумий, что он не против моей поездки, но, чтобы меня послать, он должен получить указание сверху.

Я отправился в республиканское министерство высшего образования и в отделе международных отношений добыл приказ, а в нём —

¹⁸<http://www.mathnet.ru/rus/person38413>

¹⁹<http://www.mathnet.ru/rus/person25897>

²⁰[Вероятно, опечатка. Конгресс состоялся в 1966 году.]

полное описание процедуры моего предстоящего отъезда: институт меня представляет, министерство вносит поездку в план, план утверждён — можете ехать. Я — к ректору, думая, что он, после того как я ему всё растолкую, воодушевится и приступит к оформлению моих документов. Ничуть не бывало. Ему нужно указание сверху. Ещё один оборот челнока: министерство — ректор. Повторение пройденного.

Я пошёл в приёмную ЦК КПСС. Стояла там длинная очередь, в основном приезжие. Судя по разговорам, основная часть жалобщиков хотела разрешить свои личные неурядицы жилищного, трудового или юридического характера. Я нашёл телефон отдела науки, позвонил и объяснил, что прошу приёма по вопросу командировки за границу. Женский голос назвал мне номер телефона, фамилию. И. был у телефона. Я объяснил суть своего дела, назвал себя. И. спросил, где я работаю, с кем разговаривал в министерстве. Потом он сказал (голос очень вежливый, ровный, речь чёткая, деловитая):

— Я думаю, что по этому вопросу нам не стоит с Вами встречаться. Обратитесь к заместителю начальника отдела международных отношений министерства высшего образования (он назвал его). Начальника сейчас нет, он в отъезде. Позвоните по телефону, номер такой-то. Вас примут и решат Ваш вопрос.

Я поблагодарил и повесил трубку. Пришёл в министерство (на улице Жданова), нашёл Заместителя и изложил своё дело. Это был молодой, симпатичный парень, который сидел за большим столом в общей комнате. Я рассказал, что меня послал И., что тема конференции мне очень интересна, да и расходов никаких не будет: всё обещали оплатить устроители.

Он: План поездок формируется у нас в марте, и мы вполне успеем Вас включить, если получим вовремя представление, время ещё есть.

Я: В том-то и затруднение, что институт меня не представляет, дожидаясь указаний сверху.

Он: Как же мы дадим указание, не имея о Вас никаких сведений?

Я: По кругу ходить мне смысла больше не имеет. Вы, как я понял, уполномочены *принять решение*.

Он: Обратитесь к Дубровиной, заместителю начальника отдела университетов, что на Ленинском проспекте.

Я (нетерпеливо): Но послушайте, Вы меня опять посылаете вниз, к другому лицу, а мне нужен человек, который вынесет решение.

Он (решительно): Обратитесь к Дубровиной, она может Ваш вопрос решить и сделает это.

Я отправился к Дубровиной и был очарован любезной, простой и приветливой манерой её обхождения. Трудным мой вопрос ей не представ-

лялся.

— Комин, ваш ректор, недавно в нашей системе, не познакомился с нашими порядками, у нас ездят очень многие. Я завтра ему позвоню и договорюсь о Вашей поездке.

Она ещё не сразу меня отпустила. Расспросила о моей работе в системе просвещения, о Калининском университете. Одним словом, разговор состоялся приятнейший, не часто такое бывает.

Я пропустил для верности денёк, потом зашёл в приёмную ректора. Дубровина ещё не звонила. Я тут же, из приёмной, позвонил ей и напомнил о себе. На сей раз голос у неё был не такой приветливый, суховатый, но деловой.

— Я сейчас позвоню Комину, — сказала она.

Я погулял полчаса в коридоре, вернулся в приёмную, узнал, что разговор состоялся, и прошёл в кабинет ректора.

— Владимир Васильевич, Вы просили об указании сверху, — сказал я самоуверенно, — теперь с этим, наверное, всё в порядке?

— Что Вы имеете в виду? — спросил Комин.

— Ведь Дубровина только что говорила с Вами, — сказал я полувопросительно.

То, что сказал Комин, меня весьма удивило.

— Да, я поговорил с Дубровиной, ну и что же? Этот разговор ничего не означает. Мне нужно *указание*. Тогда я смогу вас послать.

— А этот разговор не является таким указанием? — спросил я, недоумевая, что это за таинственное указание такое, и в какой форме оно дается.

— Нет, не является. Я должен получить указание.

Тут я понял (поздновато?), что мой вопрос исчерпан.

Позднее мне передавали слова ректора: вот что тут предпринять, если Фрейман хочет ехать в Венгрию, Рыжак в Японию, а Фрейбург — в Югославию?

Никто так никуда и не поехал.

Отрицательный отзыв

Отзыв рецензента на диссертацию прислали Б. по почте. Ответ мы готовили вместе, потратили недели две, получился он очень убедительным, обоснованным, вот, только, как я, поражённый удивлением, узнал позднее, никто его не читал, этот ответ, ни единая душа в него не заглянула.

И вот я держу в руках этот отзыв и ответ на него и думаю: подчиняюсь правилам математического спора, мы всё старались показать пояс-

нее, что рецензент неправ в своих утверждениях, что он ошибается, а ведь главное совсем не это: он недобросовестный человек, он лжец, этот рецензент.

Анонимный автор отзыва, назовём его С.²¹, составил свой отзыв со вполне сознательной целью опорочить весьма значительную, с большим тщанием сделанную работу. Этот отзыв исключает С. из числа учёных. Но кто это подтвердит? Математические материалы эти отнюдь не предназначены для лёгкого чтения. Специалистов, которые могут понять суть дела сразу, — единицы на весь мир. Другие математики времени пожалеют. Хорошо хоть то, что математические утверждения имеют свойства незыблемости, не допускают двоякого толкования, и истина может быть установлена вполне однозначно. Мои утверждения не являются голословными, я ставлю на весы весь свой багаж приобретённой трудом всей жизни безупречной научной репутации, а правильность того, что я говорю., может быть проверена хоть через сто лет.

А вы пока прислушайтесь к этому диалогу:

Рецензент: Все эти признаки не дают в смысле эффективности ничего нового по сравнению с определениями.

Я: Определения неэффективны, признаки эффективны.

Рецензент: Доказывается существование двух очень малых интервалов.

Я: Рецензент постоянно употребляет порочащие прилагательные с целью создания психологического фона неприятия работы: «несколько очень малых», «очень частный характер», «целый ряд ошибок», «незначительное усиление». В данном случае найденный интервалы действительно малы. Разве это плохо? А что делать, если больших интервалов с данным весьма существенным свойством вообще не существует? Попробуйте упрекнуть физика за то, что найденная им новая элементарная частица «очень мала»?!

Рецензент: Диссертация изобилует ошибками и опечатками.

Я: Анализ замечаний показал, что рецензентом указаны одна легко устраняемая погрешность (что и достигнуто в двух строках текста ответа) и несколько опечаток. Работа выполнена и оформлена тщательно.

Рецензент: В целом вся диссертация имеет чисто вычислительный характер и никакой теоретической ценности не представляет.

Я: Вся работа носит чисто теоретический характер. Вычисления посвящён лишь §15. В работе Б. развит новый метод исследования луча

---

²¹У меня есть очень веские основания предполагать, что фамилия его действительно начинается с этой буквы.

Холла²². Работа имеет больше теоретическое значение и уже вызвала многочисленные, в том числе зарубежные, отклики.

Эту дискуссию можно бы и продолжить. Утверждения спорящих диаметрально противоположны. За свои утверждения я отвечаю и готов защищать их в любом публичном диспуте.

Такие нечестные, лживые отзывы не единичны. Они насчитываются уже десятками, сотнями. Как же это так получилось, что в математике, этой честнейшей из наук, завелась такая гниль?

Сергей Иванович Адян

Я позвонил ему на следующий день после того, как на заседании экспертной группы, где присутствовал и он, была отклонена диссертация Б.

— Сергей Иванович?

— Да, я слушаю.

Голос в трубке — негромкий, интеллигентный.

— Говорит Фрейман. Вы, наверное, обо мне знаете, Андрей Андреевич [Марков-младший], видимо, упоминал обо мне.

Нет, он обо мне как-то не вспоминает. И это, мягко говоря, не так, ибо лишь вчера он самолично несколько раз упоминал мою фамилию.

— Я занимаюсь теорией чисел, но ряд моих работ имеет отношение к алгебре. Я хотел бы подарить Вам свои книги, а также обсудить вопрос о работе Б., которая находится под угрозой отклонения.

— Но я сейчас уезжаю на заседание...

— Я и не настаиваю, чтобы это произошло немедленно. Когда Вы сможете?

— Буду в институте Стеклова в два часа дня.

— Хорошо, я подъеду к этому времени.

— Впрочем, — голос его не выражал никакого энтузиазма по поводу предстоящей встречи, — я могу быть и в другом месте. Вы лучше позвонили позвоните мне в это время.

— Я уж лучше позвоню Вам рано утром, чтобы точно договориться о встрече.

— Хорошо. Но, — он решил сразу предварить возможный неприятный разговор, — если бы не было этого вопроса о Б., Вы бы мне, наверное, и не позвонили?

---

²²Эта фраза — из отзыва Делоне. Остальное — из отзыва рецензента и ответа на него.

— Возможно, — согласился я, — однако это удачный стимул для нашей встречи, я смогу рассказать Вам как о своих работах, так и работе Б., работе высокого класса.

— Я не специалист по теории чисел и с его результатами хорошо не знаком, но вчера я имел случай с ним познакомиться, говорил он неубедительно, произвёл путаное впечатление.

— Ну что ж, я занимаюсь этой тематикой много лет, хорошо её знаю...

— Да, я слышал. Вы здесь получили какой-то результат...

— Так что я смогу ясно и чётко рассказать Вам о работе Б., которая, повторяю, является работой высокого класса.

Я выразительной интонацией подчеркнул последние слова.

— Но в ней есть ошибки?

— Некоторые недочёты в ней есть, но они не являются существенными.

— Ну, вот видите, — голос его несколько окреп, а до того звучал совсем неуверенно, — вот я, как руководитель, всегда беру на себя труд следить за тщательным оформлением работы.

— Итак, до завтра, — попрощался я.

Знал бы он, сколько труда я внёс в тщательное оформление этой работы!

Назавтра я пошёл в Стекловку, нашёл комнату Адяна. Он очень вежливо пригласил меня войти, сел у окна, пригласил сесть рядом. Небольшого роста, со смуглым умным выразительным лицом, Адян всей манерой поведения вызывал симпатию, и я невольно поддался его обаянию, его стараниям произвести хорошее впечатление. Лишь впоследствии я стал критически сопоставлять его слова и предыдущие поступки, вдумываться в их скрытый смысл. А тут он меня просто очаровал. Вёл он себя просто, слушал очень внимательно, не пытался отвести разумные доводы, а старался их понять. Начал я с того, что подарил свои книжки, показал американский перевод первой из них, одним словом, вручил свои верительные грамоты. Показав книжку «Задачи Маркова», я сразу перешёл к работе Б.

— Я считаю эту работу очень хорошей, а решение об её отклонении — грубейшей ошибкой, с которой я никогда не примирюсь. Прежде чем обосновать своё мнение по существу, хочу подкрепить его общими соображениями. Я занимаюсь этой проблемой много лет, имею ряд достаточно существенных результатов и потому могу, думается, определить место и значение работы. Так вот, я утверждаю категорически, что работа сильная, отрицательный отзыв составлен человеком некомпетентным и недобросовестным, а отклонение работы — акт невежества и недоброжелательности.

Я продолжал говорить, незаметно для себя повысил голос, накопившаяся горечь предшествующих бессонных ночей вышла наружу, в речи моей стали встречаться всё более резкие слова: «предвзятость», «несправедливость», «аморальные предпосылки беспринципных действий» и проглядывали уже другие, ещё более энергичные и более определённые.

Собеседник мой сразу сделал некий весьма убедительный жест, сказал два-три слова, что-то вроде:

— Что это Вы, зачем же так, этак Вы ничего не добьётесь... — и сразу ввёл меня в нормальное русло разговора.

В том-то и заключается парадоксальная ситуация нашего времени, что всё происходит втихомолку. Раньше, услышав крик: «бей жидов», можно было хоть кричать караул и как-то изготавляться к защите. Теперь же я с любимым, даже благожелательно настроенным собеседником должен разговаривать эзоповым языком, оба мы должны делать вид, что обсуждаем чисто научные проблема, а истинная суть дела, которая у всех на уме, идёт иносказательно, намёками.

— Я понимаю Вашу убеждённость, — сказал Адян, — но ведь многое зависит от изложения. Работа может быть очень хорошей, но диссертант путается, рассказывает сбивчиво, не может толково объяснить значение своей работы, и её отклоняют. Я не вижу в этом ничего особенно дурного. Он может потом защитит её вторично и сделать это безупречно. А Ваш соискатель как-то плоховато, неубедительно рассказывал.

Я недовольно взмахнул рукой, отменяя этот фальшивый довод.

— О какой это новой защите Вы говорите? Работа, любая, а эта в особенности, является результатом многолетнего труда. Преодолены многочисленные трудности оформления, публикаций, организации защиты. Да он бесспорно всё рассказал бы вам вполне толково, если бы ему дали такую возможность: дали бы время и не сбивали.

Уместно здесь рассказать, что, когда вызванные на совет ожидали у дверей своей очереди, один из них, из Средней Азии, обсуждая высокое положение членов комиссии, сказал об Адяне, в восторге покачивая головой и надувая щёки:

— Ай-ай, Адян, это же слон в математике!

Большая часть вызванных не понимает, для какой экзекуции их вызвали, и теряется при столкновении с недоброжелательно настроенными, уводящими от существа дела, сбивающими с толку авторитетами. Ну, а если кто и не теряется, то результат оказывается такой же, а спорщика обвиняют в сомнении (Шайн, Левин).

Я продолжал:

— Разрешите, я расскажу Вам о тематике и результатах Б. по существу.

Я встал, прошёл к доске, взял кусок мела и стал рассказывать, Адян меня внимательно слушал, задавая вопросы. Я ввёл определения, начертил на доске линию, на ней нанёс точки, одним словом, рассказал всё то же, что и при встрече с Виноградовым.

И вот тут-то мне стал понятен наиважнейшего значения факт: Адян совершенно не был знаком с проблемой по существу! Уточняю: он не знал даже основных определений!

Понимание это относится не только к Адян, я понял уровень работы экспертной комиссии и экспертного совета: как правило, они судят, опираясь на мнение двух-трёх своих сочленов, наиболее близких к проблематике рассматриваемой работы (в нашем случае — Карацуба, Андрианов, Кострикин, Адян). Но эти последние с работой тоже заранее не знакомятся, они её просматривают тут же на месте, листая по ходу заседания (так они и делали в нашем случае), выхватывают оттуда и из отзыва отдельные фразы. Короче: костяк специалистов опирается на эксперта (в данном случае — отсутствовавшего Карацубу) и рецензента, а в проблему по её сути опять-таки никто не вникает.

В моих последующих беседах с Кострикиным и Андриановым я уточнил и подтвердил это своё представление: они тоже ничего о задаче Маркова не знали, Кострикин вообще ни бум-бум, а Андрианов — очень смутно и отдалённо.

Итак, суждение выносят узкие специалисты, а остальные им доверяют. Если же эти один-два специалиста, пренебрегая профессиональной этикой, дают лживые заключения, преследуя некие эгоистические цели, бедный совет — да как им тут разобраться! На самом-то деле, любой принимающий участие в этой деятельности понимает, как обстоит дело. Много можно понять из выступлений самих претендентов. А поток протестов специалистов, которые, как правило, гораздо более компетентны, чем те рецензенты, которых выбирает ВАК! А сам тот факт, что перед их взором почему-то один за другим изо дня в день появляются авторы «плохих работы» — евреи, разве это «честным, порядочным» людям²³ Адян, Кострикину и Андрианову ничего не говорят?

Однако вернёмся к описанию моей встречи с Адяном. Я всё стоял у доски, объясняя ему сущность проблематики и результатов.

— Попытаюсь кратко объяснить значение того, что сделал Б. во второй главе своей работы, — сказал я. — Он получил оценку 5,04 для начала луча Холла, и предыдущая оценка улучшена на пять сотых. Но если два видных американских математика Холл и Бамби затратили боль-

---

²³Из устных отзывов знакомых математиков, не знакомых с деятельностью названных мною лиц в экспертном совете.

шие усилия и продвинулись лишь на тысячные доли, то сдвиг на сотые доли следует со всей несомненностью признать значительным творческим достижением. Как везде, так и здесь, всё зависит от масштаба.

Адян кивнул головой: понял, мол.

— Теперь Вам легко будет уяснить всю недобросовестность, с которой составлен отзыв. В нём пять страниц, и говорится там о том и о сём — о разных вещах. Как же отражён этот, главнейший, результат. Одной фразой: «во второй главе получено незначительное *улучшение* оценки для начала луча.»

Адян взял отзыв, стал смотреть. Я помог ему найти соответствующее место.

— Но это ещё не всё. Все предыдущие исследователи, усиливая оценки, использовали первоначальную работу Холла, метод которой оказался в конце концов исчерпанным. Б. ввёл новые идеи, осуществил некий прорыв, а я, развивая успех, решил задачу до конца.²⁴ Обо всё этом в отзыве ни слова. А как Вам нравится фраза «вся работа носит целиком вычислительный характер и теоретической ценности не представляет»? Это — попросту враньё, очевидное всякому, кто захочет приглядеться.

Адян вертел в руках отзыв и ответ на него, сопоставляя их, разбираясь в справедливости мною сказанного. Было ясно, что ответ на отзыв все они не смотрели, бумагу эту он в руках держал впервые.

Я отошёл от доски и подсел к столу.

— Я уж не буду объяснять Вам результаты первой главы. Скажу лишь, что К.²⁵ в своей докторской диссертации дал достаточные условия совпадения спектров Маркова и Лагранжа, а Б. — необходимые и достаточные.

— Но К. получил свои результаты раньше.

Я вытащил статью Кузика.²⁶

Вот смотрите: «К. дал много простых условий, достаточных для того, чтобы обеспечить... Б. изучил более трудную проблему получения усло-

²⁴[Фрейман Г.А., О начале луча Холла. В кн.: Теоретико-числовые исследования по спектру Маркова и структурной теории сложения множества. Кал. ГУ, М.:1973, 50–78. Цитируется как [69д] в статье: А.В. Малышев. Спектры Маркова и Лагранжа (обзор литературы), *Записки научных семинаров ЛОМИ*, 1977, том 67, 5–38, <http://www.mathnet.ru/links/93df9b7b47eff7379202a187e03822b6/zns12007.pdf>]

²⁵[П.Г.Когония, <http://www.mathnet.ru/rus/person126582>]

²⁶[T.W. Cusick, The connection between the Lagrange and Markoff spectra, *Duke Mathematical Journal*, **42**(3), 507–517. “Kogonia (...) has given many simple conditions which are sufficient to ensure that a given number is in $\mathbf{M}$ is also in $\mathbf{L}$. Bershtein [1,2] has studied the more difficult problem of giving conditions that are sufficient to ensure that a given number in $\mathbf{M}$ is *not* in $\mathbf{L}$. In fact, for certain intervals on the real line the Bershtein conditions are both necessary and sufficient...”(p. 508).]

вий... которые в некоторых интервалах являются необходимыми и достаточными.»

— А кто это, Кузик? — спросил Адян?

— Это американский математик, профессор.

— А что, он очень известен? В последнее время модно стало говорить о ссылках в зарубежных изданиях, а ссылался-то, может, какой-нибудь аспирант. К. всё же получил свои результаты раньше.

Так мы и перекидывались фразами, словно бильiardными шарами.

— Но К. дали доктора, а Б. и кандидата не дают. А сам К. высоко оценил его работу.

Тут я, кажется, вогнал шар в лузу. Адян на это ничего не возразил.

— Ну, что ж, — сказал он, — теперь я понял значение результатов Б.

Лишь много позднее я понял, чем руководствовался Адян в своих поступках и своих речах: он делал то, что ему было велено, на карте стояло слишком многое, чтобы послушаться: место, карьера, влияние. Теперь же, когда дело было сделано и всё дальнейшее от него не зависело, нужно было максимально оправдаться, произвести наилучшее впечатление.

— Жаль, что этот наш разговор происходит теперь, после заседания, а не до него, — сказал он мне с упреком.

— Но ведь говорил же с Вами Андрей Андреевич Марков [младший], — возразил я.

— Он не специалист, как и я.

(А положительный отзыв Делоне? А ответ на отзыв, превращающий этот последний в пыль и пепел, стоило лишь заглянуть? Хотел бы услышать, услышал бы и Маркова, тем более, что тот как раз и рассказал о мнении специалистов. А поскольку не хотел, не стал бы слушать и меня, на исход дела это не повлияло бы — в настоящий момент я в этом полностью уверен.)

Он перешёл к следующему доводу.

— Скажите, а в Совете, где защищалась диссертация, много было специалистов, которые поняли суть работы?

— Нет, конечно. Суть дела понимали, как всегда, руководитель, оппоненты, ещё два-три человека.

— Вот видите, — сказал Адян, располагаясь на сказанном мною, как на гранитной глыбе. — Хотя Карацуба отсутствовал, но он оставил своё заключение. У нас был отзыв рецензента. Таким образом, наше отрицательное заключение было естественным.

Тут я живо, если не сказать — яростно, на него набросился, отвергая его аргументацию.

— Я не вижу той аналогии, о которой Вы говорите. Да, Совет часто выносит решение, основываясь на положительных отзывах нескольких

специалистов, при отсутствии отрицательных, в обстановке одинодушия. У нас было совсем другое: вы *отклонили* работу в конфликтной ситуации, и если уж Вы подали голос за отклонение, Вы взяли на себя такую ответственность, что обязаны были разобраться в деле по существу.

Так или иначе, работа отклонена, что же делать дальше? Адян дал мне ряд советов. В ходе нашего разговора я выяснил, кто входит в Экспертный совет: [Василий Сергеевич] Владимиров (председатель), [Андрей Александрович] Гончар (заместитель председателя), [Анатолий Николаевич] Андрианов, [Логин Николаевич] Большев, [Юрий Леонидович] Ершов, [Владимир Михайлович] Миллионщиков, [Александр Андреевич] Самарский, [Эдуард Генрихович] Позняк, [Пётр Лаврентьевич] Ульянов, [Сергей Всеволодович] Яблонский.

В ходе дальнейшего разговора мы живо обсуждали, как же всё-таки добиться утверждения работы. Когда я сказал ему, что хочу поговорить со всеми, кто участвовал в отклонении, и снова распалился, вспомнив о сути происходящего, он очень мягко, ненавязчиво, как-то вскользь спросил:

— Вы, собственно, чего хотите: добиться утверждения работы или поднять скандал?

Я ответил по инерции, не успев хорошенько обдумать скрытый смысл вопроса:

— Я сделаю всё, чтобы добиться утверждения работы, если же совершится несправедливость, подниму скандал.

Мы сидели уже около двух часов. Разговор наш стал касаться всё более мелких деталей, дробиться. Я рывком встал, хотел прощаться.

— Куда же Вы? Сидите, — сказал мне Адян.

— Я-то готов беседовать с Вами сколько угодно, не хотел Вас задерживать, — и я сел, изумлённый его вниманием и растроганный.

Наш разговор продолжался уже на вполне дружелюбных нотах, Сергей Иванович выражал всем моим планам полное сочувствие, а я, если вначале и держался настороженно, то тут размяк и выказывал Сергею Ивановичу свою симпатию.

И всё-таки, прощаясь, я решил высказать ему свою принципиальную оценку происшедшего, неожиданно для самого себя сказал, не выходя из дружелюбного тона нашей беседы:

— И всё же, Сергей Иванович, я должен Вам сказать, что Вами лично совершена большая ошибка, что Вы действовали неправильно, голосуя против работы Б., и я не могу снять с Вас ответственность за эти в корне неправильные действия.

Менять доверительный, дружелюбный тон разговора было поздно, Адян возражать не стал, хотя и переменялся в лице.

Я ушёл, но в проходной вспомнил, что забыл свой зонтик в кабинете Адяна. Я вернулся, извинился, взял зонтик. Адян сидел неподвижно, хмурый, угрюмо задумавшись. Он молча, отрешённо взглянул на меня, не сказал ни слова, не пошевелился...

О Кострикине и Андрианове можно короче, они из одной компании с Адяном.

Высказывания К., одного из виднейших советских математиков, работающих в теории чисел, отличались, в числе немногих, полной независимостью и ясностью:

— Отзыв гнусный, а его автор просто недобросовестный человек.

Узнав, что дело будет рассматриваться вторично и обдумывая, с кем он сможет поговорить с пользой для дела, К. сказал:

— Я поговорю с Кострикиным, и думаю, Алексей Иванович не откажется Вас выслушать.

На следующий день он позвонил мне и сказал:

— Алексей Иванович меня очень удивил. Он отказался с Вами встретиться. Я ему стал рассказывать про работу, но он возразил, что это чисто вычислительная работа. Я сказал ему, что это совсем не так и что ему встретиться бы с Вами стоило бы, так как Вы лучше кого бы то ни было сможете всё ему объяснить. Но он не видит в этом нужды, ему, дескать, и так всё ясно.

Встреча всё же состоялась в Кяриэку на симпозиуме по теории колец и модулей, который собрался на спортбазе Тартуского университета. Здесь, на лоне природы, я столкнулся с Кострикиным лицом к лицу, подошёл, представился, попросил назначить время для разговора.

— Что ж тут тянуть, лучше сейчас, — сказал Кострикин с безошибочной интонацией: рвать зуб, так скорее.

Разговор оказался на удивление коротким. Я рассказал о проблеме. Кострикин задал пару вопросов, знакомясь с постановкой задачи. Я с воодушевлением рассказал, почему работа — хорошая.

— Ну, что ж, — сказал он, выслушав меня, — при случае я постараюсь замолвить словечко за эту работу.

Он встал, и я попрощался с ним, чувствуя, что говорить не о чему. Он, кажется, сам не понимал всю несообразность своего поведения и своих слов.

Почему он не попытался всучить мне версию о том, что работа эта вычислительная? Со мной эта нелепица не прошла бы, я был досконально знаком с работой. Почему он не продолжил ругать работу, если он искренне считал, что она плохая? А уж если он изменил своё мнение, он

должен был очень встревожиться: произошло чрезвычайное происшествие, учёный по ошибке завалил хорошую работу. Ни то, ни другое, он пообещал замолвить словечко, словно речь шла о покупке импортных ботинок.

В декабре [1976 года] его избрали членом-корреспондентом Академии наук. Это событие в сознании Ивана Матвеевича Виноградова тесно увязано с работой Кострикина в экспертном совете.

Когда я разговаривал с М., тесно связанным с Анатолием Николаевичем Андриановым общими научными интересами, тот сказал:

— Он всё *это* тяжело переживает, старается пропускать заседания, чтобы не принимать во всём *этом* участия.

Когда я встретился с Андриановым в ЛОМИ (Ленинградское отделение Стекловки), он вёл разговор доброжелательно, мы обсуждали, как поправить это дело, он говорил о своём желании помочь. Однако, это платоническое желание очень ограничивается противоположным и почти императивным желанием оказать эту помощь наиболее незаметным и максимально бесконфликтным способом.

Мне не пришлось долго доказывать Андрианову, что работа Б. хороша. Он высказался предельно ясно:

— Я защищал работу Кирштейна.²⁷ Поэтому в вашем случае мне не удалось ничего сделать.

После этого он пообещал, когда вопрос будет рассматриваться вторично, направить работу на второй отзыв беспристрастному рецензенту. Он бы выполнил, наверное, своё обещание, но на заседание совета пришёл Карацуба и стал энергично заваливать работу. Андрианов в конфликт вступать не стал, и работу снова отклонили.

Что тут можно сказать? Если тебе удалось отстоять хорошую работу Кирштейна, это не значит, что нужно заваливать другую хорошую работу... А ведь Андрианов хороший математик, известный учёный, для него очень важны международные контакты, пару лет назад он ездил в Штаты, в январе поехал на три месяца во Францию. Заскандаль-ка, выскажи своё мнение чётко и категорично, и не пошлют, не пустят.

Познакомится троица с моими суждениями, и все очень обидятся: голосовали они против, так были вынуждены, а могли бы помочь — сделали бы, потому что сочувствовали. За что же их ругать? Я посоветовал бы им прочесть письма Томаса Манна Рудольфу В. Блунку и Гансу Фридриху Блунку.²⁸

---

²⁷<http://www.mathnet.ru/rus/person23478>

²⁸Томас Манн. Письма, М.:1975, стр. 189 и 200.

Труженики экспертного Совета

31 мая 1976 года состоялось особенное, чрезвычайное заседание Экспертного совета. Как всегда, происходило оно в Стекловке, где и работает большинство членов этого Совета.

К пяти часам все вызванные явились в конференц-зал, вполголоса шумящей толпой заполнили коридоры. Собралось около ста человек. Это был большой сбор: обычно вызывалось около десятка претендентов на степень, но теперь, в связи с необходимостью завершить дела старого ВАКа и приближением поры летних отпусков, решено было провести генеральную чистку.

Национальный состав собравшихся был поразителен и сразу бросался в глаза. Это были либо евреи, либо представители восточных республик: туркмены, таджики, азербайджанцы. Внешнее впечатление вполне подтвердилось, когда секретарь стал выкликать фамилии, проверяя прибытие: Кирштейн, Мухитдинов, Вассенмахер, Ниязбеков и т. д. Русских фамилий не было ни одной. Из сотни вызванных было евреев более *половины*, человек шестьдесят. Разбили всех по секциям (явное нарушение всех инструкций, ибо каждое дело должен рассматривать Совет в полном составе, а не штамповать отклонения, сотню за вечер). В секцию алгебры, теории чисел и математической логики определили восемь человек — пять евреев, три из Средней Азии.

Работа началась в седьмом часу и продолжалась до одиннадцати, но вызвали всех к пяти и в парильню вызывали в произвольном порядке, так что нужно было все время дежурить у двери. Во всем длинном коридоре не было ни единого стула, и люди, многие из которых явились прямо с поезда, стояли часами.

В перерывах для членов Совета и комиссий в специально отведенной для этого комнате был сервирован чай с бутербродами. В коридорах по дороге к трапезной между «тружениками» Экспертного совета царил обстановка дружелюбия, почти братства, с похлопыванием по плечу, все со всеми на ты, все — тесная компания, смех, шутки, веселье.

Приступили к разбору работы Б. Вначале работали сами. Дверь была приоткрыта, и, когда читали отзыв Делоне, в коридор выплеснуло громким хохотом.

Как кому, а мне этот хохот говорит о многом. Он означает, что бразды правления взяли в свои руки молодые, решительные, без комплексов, люди, а некогда славные имена Александрова, Маркова, Колмогорова, Делоне растворились в тумане уходящего времени, и старички, носители этих имен — просто призрачные тени, и, если они пытаются вмешаться в решение вопроса реальной жизни, над ними попросту смеются. А

еще этот хохот говорил, что вопрос об отклонении работы предрешен.

Наконец пригласили Б.

— Я зашел в длинную комнату, слева у стены стоял стол, за которым сидели Андрианов и Адян, справа, напротив них, висела доска и стоял стул для меня. За отдельным столом, спиной к окну, сидел Кострикин. В комнате находилось еще три человека, но большого участия в обсуждении они не принимали. Заваливали работу *Адян, Андрианов и Кострикин*.

Адян спросил:

— Вы говорите, что Вашим методом Фрейман решил проблему. А в чём сущность Вашего метода?

— Я непосредственно исследовал структуру множества сумм непрерывных дробей, отказавшись от леммы Холла, возможности которой, как показал Бамби, были исчерпаны.

— Но это же не метод — отказ от леммы Холла. А почему Вы сами не нашли Вашим методом начало луча?

— Это трудная задача. Ведь понадобилось несколько лет для её решения.

Кострикин стал говорить о вычислительной части работы, что вычислениям верить нельзя. В воздухе повисла мрачная фраза (навязанная отзывом):

— У вас в работе одна машинная математика.

Как бы подводя итоги, Андрианов сказал:

— Работа оформлена плохо, это ясно.

И с шумом захлопнул экземпляр диссертации, как похоронил. За дверью слышно было, как Адян сказал:

— Запишите: не представляет теоретической ценности.

Все обсуждение длилось около десяти минут.

Все рассказанное — типично и настолько поразительно, что придется повториться.

О национальности диссертантов, подцепленных на крючок Экспертным советом.

Шестого декабря 1976 года на заседание Совета были вызваны :

1. Кривошея Ефим Шломович
2. Штейнберг ...
3. Берштейн Александр Азраильевич
4. Кропп Леонид Ефимович

5. Френкин Борис Рафаилович

6. Могилевский Михаил Григорьевич.

Итого — шесть человек. Из них евреев — шесть.

На заседании, где разбирались работы Шнеппермана, Цаленко и Розенберга, было вызвано одиннадцать человек. Из них евреев — одиннадцать.

Вот дискуссия, в которой использованы выдержки из документов, относящихся к диссертации Бориса Моисеевича Шайна, которая была отклонена в 1969 году, первой в серии отклонённых еврейских диссертаций.

[Виктор Владимирович] Вагнер (доктор наук, специалист по полугруппам, учитель Шайна): Диссертация — фундаментальное научное исследование, необычайно богатое по содержанию, содержащее большое количество важных результатов. Этот крупный научный труд является ценным вкладом в современную алгебру и характеризует автора как талантливого учёного.

Экспертная комиссия (из решения): В диссертации не содержится крупных научных результатов, достойных степени доктора наук. Диссертация изобилует большим числом рядовых теорем преимущественно с громоздкими формулировками.

[Александр Геннадьевич] Курош (глава советской школы общей алгебры, из отзыва, воспроизведено по памяти): Диссертация — существенный вклад в науку. Экспертная комиссия не руководствовалась стремлением к выяснению истины, что отражает падение морального уровня среди значительного числа советских математиков, посылала работу на отзыв математикам, которые должны были отказаться дать отзыв в силу своей некомпетентности. Из-за подобного отношения к делу моя дальнейшая работа в экспертной комиссии стала затруднительной.

[Лазарь Матвеевич] Глушкин (доктор наук, специалист по теории полугрупп): Решение Экспертной комиссии об отклонении диссертации вызывает у лиц, сколько-нибудь знакомых с указанной работой, по меньшей мере, удивление. Я не могу согласиться с этим решением, оно безусловно ошибочно.

Адян (из стенограммы заседания Экспертной комиссии, обсуждение в отсутствие диссертанта): У него около сотни трудов — всё это в погоне за известностью.

[Арлен Михайлович] Ильин: Но, может быть, его результаты станут известными?

Яблонский: Меня поражает его взгляд на приложения.

[Борис Владимирович] Гнеденко: Случай это тяжёлый. Он способный математика, и с пути его не собьёшь.

Адян: Он весьма способный. Я согласен с Курошем: он блестящий математик. Но поверхностный.

[Участник обсуждения]: Уже поздно, давайте решать. Мы говорим не по существу.

Ильин: Если есть больше одного отрицательного отзыва, полагается голосовать. Какие есть предложения?

Адян: Отклонить.

[Участник обсуждения]: Но надо составить заключение. Кто его будет составлять?

[Участник обсуждения]: Кто воздержится, пусть тот и составляет.

Адян: Мы составим заключение.

Кострикин: Надо написать, что мы сомневаемся.

Ильин: Сомневаемся? Это и так, и этак.

Кострикин: Ну, можно написать, что мы не можем вынести положительное решение.

Ильин: Но мы же эксперты, а вы двое — специалисты. Пленум вернёт нам заключение для доработки.²⁹

Я (не могу не прокомментировать). Заметьте, все они знают, что этого талантливого человека надо зарезать, они наперёд уверены, что отклонение состоится, хотя стенограмма обсуждения не даёт оснований для этого. Одного они не знают: за что же его отклонить. Сравните это с убеждённой специализацией.

Глускин: Слова экспертной комиссии об отсутствии в диссертации глубоких результатов докторского уровня вызывают недоумение, ибо так можно сказать, лишь совершенно не ознакомившись с результатами диссертации. Всё это — не только моё мнение: мне хорошо известно, что все советские специалисты в этой области это мнение разделяют. Можно сюда присоединить и отзывы иностранных учёных. В 1967 году в США вышел второй том монографии крупнейших специалистов Клиффорда и Престона «Алгебраическая теория полугрупп», подытоживший развитие теории за последнее десятилетие. Там результатам диссертации (авторы называют их «теорией Шайна») отведено очень много места. По решению редакции нового международного журнала «Полугруппы» (куда входят ведущие специалисты в этой области), первый номер журнала открывается большой обзорной статьёй Шайна.

---

²⁹Ещё раз обращаю внимание читателя на то, что приведённый разговор — не художественный вымысел автора, он извлечён из стенограммы обсуждения, и каждое слово в нём — подлинное.

Кострикин (начало стенограммы): Мы Вам зададим целый ряд вопросов. Вы читали отзыв Анатолия Илларионовича?³⁰

Шайн: Я хотел бы ответить на все три отрицательные отзыва...

Кострикин: Нет, ответьте на последний отзыв.

Шайн: Хорошо.

...Рецензент убеждён, что стандартные понятия теории полугрупп впервые введены мною. Это показывает, насколько рецензент «знаком» с полугруппами. Он выступает по существу против всей теории полугрупп, так как не различает между тем, что сделано мною, и уже известным.

...Машинистка сыграла злую шутку с рецензентом, сделав опечатку в ссылке: он пишет о мифической теореме Кислера, да ещё говорит, что она хорошо известна. Это уже говорит о...

Гончар: Но эта теорема хорошо известна?

Шайн: Специалисту — да.

Гончар: Поэтому рецензент и назвал теорему хорошо известной.

Шайн: Простите, если бы рецензенту эта теорема была хорошо известна, он не назвал бы её теоремой Кислера.

Адян: Но рецензент поверил Вам: у Вас в диссертации опечатка, вот рецензент и говорит о теореме Кислера.

Шайн: Но почему он тогда называет её «хорошо известной»?

Адян: Вы сами допустили опечатку, а обвиняете рецензента.

Шайн: Я обвиняю рецензента не в опечатке. Он назвал хорошо известной вещь, с которой сам не знаком. Это говорит, какова цена его утверждениям. Впрочем, если этого примера недостаточно, я могу привести ещё несколько такого же рода...

Я: Выразительнейшая сцена! Уважаемого рецензента поймали с личным, он невежда и занимается подтасовками. Члены комиссии дружно бросаются его спасать, а когда замазать не удаётся, все делают вид, словно ничего и не слышали. Вот, взгляните, как Шайна уводят в сторону от щекотливой темы, в первый и последний раз ради напряжённости момента адресуясь вежливо, по имени и отчеству³¹:

Шайн: А может быть, и этого недостаточно? Хорошо, вот ещё факт.

Кострикин: Борис Моисеевич, докторская диссертация по математике должна быть понятна каждому математику...

Ох, тяжёлая эта работа, в болоте топить бегемота!

---

³⁰А.И. Ширшов

³¹Проверено по стенограмме

О разном

- Математики, чьи докторские диссертации отклонены Экспертным советом и ВАКом: Маркус, Шайн, Шнепперман, Жмудь, Левин, Шмульян, Мильман, Норкин, Балк, Цаленко, Винберг, Лехтман, Пекелис.

Список этот далеко не полон.

- Докторская диссертация Рубинова рассматривается ВАКом уже в течение шести лет. Пример этот — типический, подобные сроки стали обычными.
- Докторская диссертация Лозановского несколько лет пролежала в ВАКе. Он умер. Через несколько месяцев пришло утверждение.
- Результат голосования по докторской диссертации Цаленко в Московском университете: 31 — за, 1 — против. Результат голосования по докторской диссертации Цаленко при её перезащите в Математическом институте им. Стеклова: 10 — против, 1 — воздержался.
- [Владимир Игоревич] Арнольд и [Анатолий Тимофеевич] Фоменко были удалены с заседания Учёного совета Стекловки по перезащите докторской диссертации Винберга. Академик [Константин Константинович] Марджанишвили распахнул перед ними двери собственноручно.
- Математик Л. спросил своего приятеля В., работника Стекловки:
— Будешь оппонентом по моей докторской диссертации?
— Ни в коем случае, — ответил тот. — Меня выгонят с работы.
- Диссертацию Френкина утвердили.
Л., механик, сказал во всеуслышание на заседании Экспертного совета:
— Он аспирант моей жены.
За утверждение голосовали все механики. Все математики воздержались. Напоминаю — речь идёт о математической диссертации.
- Экспертный совет постановил отклонить диссертацию Ройтмана по той причине, что Учёный совет КГУ провел защиту после истечения срока своих полномочий.

Очень странно, не удалось обнаружить бумагу, продлевавшую полномочия Совета, хотя многие говорили, что была такая бумага.

Очень странно, что Экспертный совет занялся административным аспектом дела, пренебрегая научным.

Очень уж странно, что после Ройтмана в том же Совете защитили диссертации еще три человека и были без задержки утверждены ВАКом.

А работу Ройтмана ВАК отклонил.

- При перевыборах проф. [Георгия Евгеньевича] Шилова его ругали, что у него слишком много учеников-евреев, что есть случаи отъезда. Один из выступавших сказал, что ответ Шилова на критику был недостаточно антисемитским, нет, нет, он оговорился — антисионистским. Не нужно призывать Фрейда, чтобы объяснить смысл этой оговорки.

Переизбрание не состоялось, перевыборы перенесли на год.

На следующий день Шилов гулял с женой возле университета, ему стало плохо. Он присел на ступеньки подъезда университетской поликлиники, а жена его побежала наверх, за врачом. Врач отказался спуститься, настаивал, чтобы больной явился самолично. Пока спорили, Шилов умер.

А где же я?

Эти заключительные строки я пишу год спустя, весной 1978 года.

Прошлой осенью в Душанбе состоялась конференция по теории чисел, о которой ее организаторы могут сказать с удовлетворением: впервые — юденфрай.

Не говоря уже о приглашении, я даже не получил ответа на мою заявку об участии.

Осенью я написал академику [Николаю Николаевичу] Боголюбову, что в советской математике — неладно.

Боголюбов не ответил.

Недавно я попытался увидеться с президентом Академии, но тщетно. Меня не принял даже его референт.

Нужно публиковать мои заметки.

— А где же я?

Карацубе тут всё ясно.

Под занавес Вильнюсской конференции по теории чисел состоялся банкет, на котором при обсуждении тостов, предложенных за литовских и русских математиков, стал вырисовываться общий тост за всех советских математиков.

— Хорошо, — громко сказал Карацуба — только без жидов!

Герой одной польской юморески видит, что с его женой в его кровати лежит жилец, созерцает непереносимую тесноту в своей квартире, спрашивает:

— А где же я?

И отвечает:

— Я стою в очереди за карпом.

Не хочу стоять в очереди за карпом. Снова и снова, не находя ответа, я задаю себе вопрос:

— А где же я?